

Константин Бондарь

ОТ ЕФРОСИНА К «ЛАВРУ»

Очерки по древней и новой словесности

Константин Бондарь

От Ефросина к «Лавру»

Очерки по древней и новой словесности

Издательские решения
По лицензии Ridero
2024

УДК 8
ББК 80
Б81

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Бондарь Константин

Б81 От Ефросина к «Лавру» : Очерки по древней и новой словесности / Константин Бондарь. — [б. м.] : Издательские решения, 2024. — 106 с.
ISBN 978-5-0062-1398-2

«От Ефросина к „Лавру“» — сборник очерков о памятниках древнерусской книжности, периодике, беллетристике XVIII–XXI вв., писателях и филологах. Портреты литераторов и ученых и наблюдения над средневековыми и современными текстами составляют предмет книги.

**УДК 8
ББК 80**

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0062-1398-2

© Константин Бондарь, 2024

*Памяти отца,
Виталия Михайловича Бондаря
(1947 – 2023)*

ОТ АВТОРА

«От Ефросина к „Лавру“» — обозначение литературного пространства, в котором действуют наши герои, а также хронологии очерков: от древнерусской книжности до современной литературы. Между древней и новой словесностью нет непроницаемых границ, как нет их в работе филологов, берущихся за темы в той и другой области. Средневековые авторы иногда оказываются остро актуальными, а современные писатели обращаются к древнерусским сюжетам.

Окончив филологический факультет Харьковского университета в 1994 г., я остаюсь в профессии тридцать лет, меняя сферы деятельности, исследовательские области, университеты, города и страны. Так, интерес к средневековой книжности, пробудившийся на лекциях Н. В. Бойко, Ю. А. Исиченко, В. А. Маринчака, К. С. Осиповой, в семинаре Е. Ф. Широкоград, вылился в дипломную работу по житийным чудесам, затем в магистерскую и кандидатскую диссертации по еврейско-славянским языковым и литературным контактам. Этот же интерес привел меня в отдел редких изданий и рукописей Харьковской государственной научной библиотеки им. В. Г. Короленко, в школу книговедения и документоведения И. Я. Лосиевского.

Кирилло-белозерский книжник Ефросин, парадоксы «Повести о Дракуле», следы еврейских источников в древнерусской письменности, фигуры филологов-древников А. П. Кадлубовского, Вс. И. Срезневского и Н. К. Гудзия составляют предмет первой части книги.

Вторая ее часть относится к поискам темы для докторской, когда под влиянием моего научного руководителя Л. Г. Фризмана я увлекся источниковедением русской литературы нового времени. Докторская в конце концов так и не была написана, зато появились публикуемые здесь заметки о творчестве Екате-

рины II, В. Ф. Одоевского, В. А. Якимова, И. Н. Явленского, И. П. Хрущова, Е. Г. Водолазкина.

Написанные в 2008–2018 и отредактированные в 2020–2023 гг., эти статьи и эссе появились на свет как рассказ о непрерывности книжной традиции, преемственности поколений ученых, важности филологической работы. Время показало, что нет ничего раз и навсегда изученного и понятного: история литературы пишется на наших глазах. Путь от книгописца Ефросина к роману Водолазкина охватывает сотни лет, но кто знает, не находились ли кельи средневекового книжника и героя «Лавра» в Кирилло-Белозерском монастыре по соседству?..

Древнерусская книжность

СМЕХ И «ГЛУМЫ» КНИГОПИСЦА ЕФРОСИНА

XV век был веком русского Предвозрождения во всех областях духовной жизни и, в частности, в литературе, что выразилось в появлении светской повести, интересе к античности, трансформации исторического и агиографического повествования, расширении круга тем и сюжетов, усилении литературной занимательности¹. Появляются новые произведения, а также переработки уже известных, записи бытовавших устно рассказов, отдельные мотивы, свидетельствующие о преодолении средневековой этикетности и монументализма, допускающие стилистическую сниженность, противоречивость образов, пародийные и сатирические приемы. Книжники были носителями той смеховой культуры, которая связывает Древнюю Русь с Россией Нового времени и образует одну из важнейших черт русской литературы.

Одним из выдающихся книжников этого времени был кирилло-белозерский монах и писец Ефросин, хорошо известный в научной традиции² Новейшая работа о Ефросине принадлежит А. Г. Боброву³.

Обратимся к элементам иронии и сатиры как неотъемлемым

¹ Лурье Я. С. Элементы Возрождения на Руси в конце XV–начале XVI вв. // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М.: Наука, 1967. С. 183–211; Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Л.: Наука, 1988. 159 с.

² Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ. 1961. Т. 17. С. 130–168; Каган-Тарковская М. Д. Энциклопедические сборники XV в. и круг интересов кни-

чертам неповторимой авторской манеры книгописца. Их можно обнаружить в произведениях, так или иначе связанных с фольклором; также привносит ироничный подтекст и авторская обработка литературных источников. Прежде всего, необходимо отметить самоиронию, свойственную, впрочем, и другим пишущим современникам Ефросина (о себе книжник говорит: *«грешный поп Ефросин»* (приписка к Синаксарю), в другом месте указывает: *«азь Ефросин грешнои, сего во зборе не чти, ни многим являи»* (приписка к «Сказанию о двенадцати пятниц»). Понимая, что он делает и чем рискует, Ефросин поместил в своих сборниках все апокрифы, указанные в им же старательно переписанном Индексе отреченных книг. Указывая, что *«иде же есть скомрашии речи и пустошная беседа, ту гнев божи и пагуба души, а бесом радость»*, Ефросин переписывает Слово св. Ефрема «О русалиях рекше о скомрасех» и скоморошьи диалоги вроде «Слова о женах добрых и о злых».

Книжник создает свою редакцию Палеи, в которой отказывается от присущей этому жанру богословской полемики с иудаизмом (например, отмечает лаконично *«сътвори богъ рече небо и землю и прочая»*, вместо пространного *«сътвори богъ рече небо и землю, въпрошаю же азь тебе о жидовине почто моиси и от ангел не нача писати...»*). Подобным образом поступает он со *Сказанием о Соломоне и Китоврасе*, которое становится у него очень кратким текстом «О Китоврасе от Палеи», где опущены все перипетии этого апокрифического сюжета, а при первом же разговоре с царем легендарный монстр *«все переломал и поскочил на свою волю»*⁴. Рассказ о Ноевом ковчеге из Толковой Палеи излагается Ефросином по другому памятнику — Исторической Палее, с определенными дополнениями

гописца Ефросина // Русская и грузинская средневековые литературы. Л.: Наука, 1979. С. 192–199.

³ Бобров А. Г. Ефросин Белозерский в поисках рая. СПб.: Алетей, 2023. 270 с.

(проникший в ковчег дьявол обернулся мышью и начал грызть дерево, а Бог наслал на него kota и кошку, «и оттоле почаша быти коты», сообщает Ефросин).

Обрабатывая текст сербской «Александрии», Ефросин оставляет мотив неудачной попытки Александра Македонского получить бессмертие и включает «Слово о рахманех», живущих в блаженной нищете и отказывающихся от благодеяний всемогущего царя. История библейского Самсона «модернизируется» им введением памятных ему «татар» вместо филистимлян как противников судьи-богатыря.

Работая с фольклорными сюжетами, Ефросин создает собственные редакции при помощи деталей. Так, сказка о пропавшем дворе превращается в *Чудо митрополита Киприана*, наказавшего нечестивых хозяев: по его слову исчезает дом вместе с двором, и остается только столб от ворот с забытыми на нем рукавицами митрополита⁵.

Один из первых памятников «хмельного цикла», повествующих о незадачливых пьяницах и пагубности возлияний, «Слово о Хмеле», имеет у Ефросина смеховой характер: кичливый Хмель, обращаясь к человеку, предостерегает его, описывая бедственную участь любителей хмельного, что как будто соответствует традициям учительного красноречия, но имеет иронический оттенок; зачин Слова пародирует ветхозаветные пророчества («Тако глаголет Хмель...»). В другом месте в описании пророчеств у книжника наряду с пророками фигурируют «кур» (петух) и глиняный горшок. Ефросин был любителем парадоксальных притч-загадок, например, «рече внук бабе: баба, положи

⁴ Lurè J. S. Une légende inconnue de Salomon et Kitovras dans un manuscrit du 15 siècle // *Revue des études slaves*. 1964. Т. 43. Р. 7–11.

⁵ Каган М. Д. Чудо митрополита Киприана (Еще один фольклорный мотив в сборнике XV в. книгописца Ефросина) // *ТОДРЛ*. 1981. Т. 36. С. 234–238.

Кирилло-Белозерский монастырь

мя у себе. И рече ему баба: како ми тебе положити? А ты мя родил». Этот диалог с разгадкой (*Христос и земля*) читается также в одной из редакций апокрифической «Беседы трех святителей»¹.

Но, пожалуй, ни один текст из ефросиновских сборников не может соперничать в противоречивости и парадоксальности с «Повестью о Дракуле». И хотя наш книжник не является ее автором (им был его современник, один из главных сподвижников Ивана III, сановник и еретик Федор Курицын), повесть дважды тщательно переписана Ефросином, причем именно его перу принадлежит старейший список².

Таким образом, с именем скромного книгописца связан ряд новых текстов древнерусской книжности, резко индивидуальная авторская позиция в доавторскую, по сути, эпоху литературы, своеобразная рефлексия по поводу слова и своего отношения к власти над словом.

¹ Каган-Тарковская М. Д. Энциклопедические сборники XV в. и круг интересов книгописца Ефросина... С. 192.

² Повесть о Дракуле / Иссл. и подг. текстов Я. С. Лурье. М., Л.: Наука, 1964. 212 с.

«ПОВЕСТЬ О ДРАКУЛЕ» КАК ПОЛЕМИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

Один из крупнейших исследователей темы «жидовствующих» и личности книжника Ефросина Я. С. Лурье в одной из своих работ связал деятельность знаменитого книгописца с «борьбой против глумов и смеха» в современной ему литературе, исходившей от провластных церковных иерархов и идеологов. В статьях сборников, принадлежащих перу Ефросина, заметна как официальная позиция, так и следы другого, иногда противоположного отношения к предписанным канонам. Ефросин писал в эпоху исключительного явления русской истории, «новгородско-московской» ереси, и потому включение его в «околоеретический» контекст представляется вполне обоснованным.

Не стоит забывать, что полемика еретиков и их противников, явная и подспудная, велась вокруг авторитетных, освященных традицией концептов, которые, соответственно, либо ревностно охранялись и превозносились, либо подвергались сомнению или осмеянию. Учитывая это, можно еще раз вспомнить оппозицию «каноническое – еретическое» в идеологии Московского княжества последней трети XV в. Взгляды еретиков соперничали с набиравшей силу доктриной «иосифлянства», обоснованной в самом начале XVI в. игуменом Волоколамского монастыря Иосифом Волоцким¹. Иосифляне полагали, что власть церкви выше великокняжеской, что церковь должна быть богатой и пользоваться всеми земными благами

¹ Алексеев А. И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480 – 1510-х гг. СПб.: РНБ, 2010.

и активно участвовать в государственных делах. Внутри корпорации богословов им противостояли последователи и ученики Нила Сорского, «нестяжатели», ратовавшие за аскетический идеал раннего христианства и невмешательство церкви в светские дела. В какой-то мере их доводы были близки несколькими годами ранее еретикам-«жидовствующим», отрицавшим монашество, дуализм светской и духовной власти, догматическое давление и злоупотребления церковных иерархов.

Под этим углом зрения взглянем на некоторые историко-литературные факты эпохи Ефросина. «Повесть о Дракуле» – одно из самых необычных произведений средневековой литературы, связанное с истоками русской беллетристики. В переломную эпоху истории России светская повесть зарождается в среде образованной прослойки интеллектуалов-книжников. Старейший список, по которому мы ниже цитируем памятник, – Кирилловский 1490–1491 гг., принадлежит Ефросину, а предполагаемый и наиболее вероятный автор повести – всеильный дьяк Ивана III Федор Курицын, глава московского кружка еретиков. Он не мог написать ее раньше, чем прибыл в Москву после продолжительной поездки в Венгрию в 1485 г., а в колофоне Кирилловской рукописи указывается, что данный список является вторым у писца, и предыдущий был написан за пять лет до этого; таким образом, «Повесть о Дракуле» стала известна Ефросину чуть ли не сразу после ее создания.

Текст повести изучался несколькими поколениями филологов. Предметом внимания ученых становились необычная композиция, мозаичная и на первый взгляд несвязная; поэтика (вместо обычного для древнерусской литературы прямолинейного дидактизма – косвенное и неявное выражение моральных уроков) и, особенно, идеология повести – проблема «грозной» власти и ее допустимых пределов. Не затрагивался лишь вопрос об имплицитной полемичности повести и о художественном выражении этой полемичности, которое, на наш взгляд, заключается в сатирической перекодировке, «выворачивании мира на-

изнанку», как называли смеховые приемы русских книжников соавторы известной книги «Смех в Древней Руси»¹.

Итак, дьяк Курицын был главой московского кружка вольнодумцев (ему покровительствовал сам великий князь), а официальной линией власти вскоре станет «иосифлянство», тогда только формировавшееся. Ниже попробуем показать на конкретных примерах вольнодумную полемичность автора, сопоставляя факты из текста повести и писаний иосифлян.

Скрытая полемичность обнаруживается, например, уже в отношении к сильной светской власти. Еретики не только не были ее противниками, но и довольно близко стояли к ней, особенно участники московского курицынского кружка: среди поклонников сановного еретика была даже невестка великого князя Елена Стефановна. Иосиф Волоцкий писал о Курицыне: *«Того бо державный во всем послушаше»*.

Иосиф Волоцкий:

«Аще ли же есть царь, над человеки царствуя, над собою же имат царствующа страсти и грехи, сребролюбие и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейши же всех — неверие и хулу, таковой царь не божий слуга, но диаволь, и не царь, но мучитель. И ты убо такового царя или князя да не послушаеши, на нечестие и лукавство приводяща тя, аще мучит, аще смертью претить!»

«Повесть о Дракуле»:

«И толико ненавидя во своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татбу или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет живъ. Аще ль велики боляринь, иль священник, иль инок, или просты, аще и велико богатьство имъл бы кто, не может искупитись от смерти, и толико грозень бысть».

¹ Лихачёв Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984.

Влад Цепеш, прототип Дракулы

А «духовный наследник» еретиков — книжник XVI в. Иван Пересветов словно развивает этот пассаж: «*Но без таковыя грозы немочно в царство правды ввести*» («Сказание о Мегмет-салтане»).

Иными словами, говоря об одном и том же — об общественных и личных пороках — богослов и светский писатель видят

вещи в разной перспективе: подданные не должны подчиняться власти несправедливого царя / царь может и обязан искоренять пороки подданных.

А вот как повесть толкует одну из важнейших ценностей русского средневекового сознания – любовь к нищим. Дорога она и иосифлянству:

Иосиф проповедует «нищелюбие»: *«Беседея нищему, да не оскрбиши его», «алчнаго накрьми, жаднаго напои, яко же сам господь повеле, нагаго одежди, странна введи, болнаго посети, к темници доиди, и виждь беду их и, аще что требуют, подайждь им, и поскорби, и въздохни, и прослезися с ними».*

«Повесть о Дракуле»:

Пусти по всей земли свое вельние, да кто старь, иль немощень, иль чимь вредень, или нищъ, вси да приидут к нему. И собращась бесчисленное множество нищих и странных к нему, чающе от него великия милости. Он же повель собрати всьх во едину храмину велику и повель дати имъ ясти и пити довольно; они ж ядше и возвеселишась. Он же сам приде к нимъ и глагола имъ: «Что еще требуют?» Они же вси отвѣщаша: «Вѣдает, государю, Богъ и твое величество, как ты Богъ вразумит». Он же глагола к ним: «Хощете ли, да сотворю вас беспечалны на сем свѣтъ, и ничим не нужни будете?» Они же, чающе от него велико нѣчто, и глаголаша вси: «Хощемъ, государю». Он же повель заперети храм и зажещи огнем, и вси ту изгорьша. И глаголаше к бояром своимъ: «Да вѣсте, что учиних тако: первое, да не стужают людям и никтоже да не будетъ нищъ в моей земли, но вси богатии; второе, свободих ихъ, да не стражут никтоже от них на семь свѣтъ от нищеты иль от недуга».

Поведение Дракулы в повести выглядит как злая пародия на совет Иосифа Волоцкого.

И наконец непосредственно о «глумах» (насмешках, шутках, забавах):

Иосиф Волоцкий осуждал «глумы» и насмешливое отношение к жизни: *«Да будет ти горько неполезных повестей послушание!»* Ср. замечание И. П. Еремина: «Смех в древнерусской литературе был бы неуместен, да он здесь никогда и не звучал».

А вот как шутит Дракула: *Приидоша к нему нькогда от турьскаго [царя] поклицарие и, егда видоша к нему и поклонишась по своему обычаю, а капъ своих з главъ не сняша. Он же вопроси их: «Что ради такову срамоту ми учинисте?» Они же отвѣща-ша: «Таковъ обычай нашъ, государь, и земля наша имѣет». Он же глагола имъ: «И азъ хошу вашего закона потвердити, да крѣпко стоите». И повелъ имъ гвоздиемъ малымъ желѣзнымъ ко главамъ прибити капы и отпусти ихъ, рекъ имъ: «Шедше, скажите государю вашему: онъ навѣкъ от вас ту срамоту терпѣти, мы же не навѣкохом, да не посылает своего обычая ко инымъ государемъ, кои не хотят его имѣти, но у себе его да держит».*

Именно эта яркая особенность Дракулы — мрачная и неожиданная шутливость — в соединении с жестокостью придает его образу индивидуальность и объемность.

Другой пример шутовского поведения, укладывающийся в рамки «выворачивания мира наизнанку»: *«царь же, услышав от посла своего, что Дракула хочет приити к нему на службу, и посла его почести и одари много... Дракула же поиде, събрався съ всѣмъ воинствомъ, и приставове царстии с нимъ, и велику честь ему воздаваху. Он же преиде по земли его яко 5 дни, и внезапу вернуса, и начат плѣнити градове и села, и множество много поплъни и изсъче, овых на колие сажуху турков, а иных на полы пресѣкая и жжигая, и до ссущихъ младенецъ... „Шедше, повѣсте царю вашему, якоже видѣсте: сколько могох, толико есмь ему послужил. И будет ему угодна моя служба, и азъ еще хошу ему тако послужити, какова ми есть сила“. Царь же ничтоже ему не може учинити, но срамомъ побѣженъ бысть»¹.*

Далее, следуя логике «смены личины», присущей скоморохам или юродивым, повествователь в «Повести о Дракуле» по-

переменно представляет двух монахов, как бы олицетворяющих «иосифлянскую» и «нестяжательскую» доктрины:

Единою ж приидоша к нему от Угорския земли два латинска мниха милостыни ради. Он же повель их развести разню, и призва к себь единого от них, и показа ему округ двора множество бесчисленое людей на кольхъ и на колесъх, и вопросы его: «Добро ли тако сътвориш, и како ти суть, иже на колии?» Он же глагола: «Ни, государю, зло чиниши, без милости казниши; подобает государю милостиву быти. А ти же на кольи мученици суть»...

Он же призвавъ перваго и глагола к нему: «Да почто ты из монастыря и ис келии своя ходиши по великим государемъ, не зная ничтоже? А нынъ самъ еси глаголашь, яко ти мученици суть, азъ и тебе хошу мученика учинити, да и ты с ними будеши мученикъ». И повель его на коль посадити.

Призвав же и другаго и вопросы его тако же. Он же отвѣща: «Ты, государь, от Бога поставленъ еси лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати. А ти лихо твориши, по своимъ дѣломъ въсприали»...

Другому повель дати 50 дукать злата, глаголя: «Ты еси разумень мужъ». И повель его на возъ с почестиемъ отвести и до Угорския земли.

Нетрудно понять, какая из двух позиций ближе автору текста.

Важнейший мотив повести — испытание попавших в руки Дракулы людей. Испытывается мудрость собеседника, а средством испытания чаще всего служит загадка, имеющая метафорический смысл, и смеховой эффект возникает из столкновения буквального и иносказательного смысла этих загадок. Так ведет себя Дракула в отношении вышеупомянутых монахов, а также с одним из послов, которому было предложено угадать, для кого

¹ Сказание о Дракуле воеводе... С. 434.

предназначен позолоченный кол, или с купцом, у которого украли деньги и, прежде чем вор был пойман, желая испытать его, Дракула подбросил ему лишний дукат.

Недогадливые персонажи словно расплачиваются за свое «неизящество». Этот прием известен и другим русским памятникам той же эпохи – «Повести о Басарге», повестям о царе Соломоне.

Именно этот «дьявол», сажавший людей на кол, добивался в повести Курицына того, чего не могли достигнуть другие правители: искоренял зло в своем государстве. «Повесть о Дракуле» близка современным ей явлениям культуры в Европе: так, жестокость Дракулы находит параллели в «Государе» Макиавелли: *«новый князь не может соблюдать все, что дает людям добрую славу, так как он часто вынужден ради сохранения государства поступать против верности, против любви к ближнему, против человечности, против религии»*¹. Важнейшим политическим средством для правителя являются *«хорошо примененные жестокости»*, писал флорентийский мыслитель.

Отсутствие в «Повести о Дракуле» нравоучения было не недостатком повести, а чертой новой поэтики. Это трудно было осознать современникам и потомкам: в XVI в. повесть надолго исчезает из рукописной традиции, не только из-за враждебности церкви к «светской» литературе, но и, возможно, из-за пугающей контрастности повествования. Не случайно, вернувшись в книжность в XVII в., повесть вынуждена была упростить поэтику: Дракула уже изображается либо жестоким, либо мудрым. Люди новой эпохи, наученные горьким опытом Смутного времени, не понимали и не принимали сочетания в правителе обоих этих свойств.

Справедливости ради следует отметить, что смеховое начало было не чуждо и противникам ереси; как и ее сторонники,

¹ Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1982.

они были детьми своего времени и гуманистических ценностей не знали. Добавим, что, выступая против «глумов» в литературе, они вполне допускали их в жизни. Вспомним известную сцену расправы над еретиками после соборного приговора 1490 г.: новгородский архиепископ Геннадий велел посадить их на ослов задом наперед, в острых берестяных колпаках с надписью *«Се сатанино воинство»*, с тем, чтобы они смотрели «на запад», видя уготованные им адские муки. Еретики, по мысли разоблачивших ересь иерархов, были сами наказаны за кощунство: поругание икон (*«а zde се обретох икону у Спаса на Ильине улице, преображение з деянием, ино в праздницах обрезание написано, стоит Василей Кисарийский, да у спаса руку да ногу отрезал, а на подписи написано: обрезание господа нашего Иисуса Христа»*), креста (*«вяжут кресты на вороны и на вороны. Многие ведали: ворон деи летает, а крестъ на нем вязан деревян, а ворона деи летает, а на ней крест медян. Ино таково наругание: ворон и ворона сядятца на стерве и на калу, а крестом по тому волочат»* — примеры из посланий архиепископа Геннадия), богородицы и Христа. Но эти факты уже выходят за рамки наблюдений собственно над текстами.

В свое время, находясь вне иосифлянско-нестяжательской полемики, автор «Повести о Дракуле» до некоторой степени ее предвосхитил, дав гротескно-сатирические параллели ключевым принципам официальной идеологии. Его можно считать одним из предтеч русского вольнодумства.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ГЕБРАИЗМЫ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ

Эта статья, подготовленная на основе доклада на чтениях к 80-летию Ефросиньи Фоминичны Широкоград в 2008 г., не увидела свет при жизни моего учителя. Она стала данью памяти профессора кафедры русского языка Харьковского университета, прекрасного ученого и педагога. Мое увлечение русским средневековьем, переросшее в научную специальность, берет начало в студенческом семинаре Е. Ф. Широкоград по исторической лексикологии, который она вела на нашем курсе в начале 1990-х гг. Позже, увлекшись славяно-еврейскими литературными, языковыми и культурными контактами, я обратился к проблеме гебраизмов в русском языке¹. Ниже собраны наблюдения исследователей, работавших в этой периферийной, но интересной области истории древнерусского языка и культуры.

При наличии значительного пласта прямых тюркских, иранских заимствований, в силу исторически сложившихся отношений Руси с кочевыми и оседлыми соседями, семитизмы-гебраизмы проникали в лексический состав древнерусского языка, как правило, через посредство греческого. Среди них отмечаются и кальки (напр., *Библия*), и адаптированные транслитерации (напр., *суббота*, *Пасха*), прочно вошедшие в словарь. Можно

¹ Бондарь К. В. Гебраизмы как признак переводов с еврейского на Руси (по данным Соломонова цикла) // Материалы 9 ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 2. М.: Сэфер, 2002. С. 301–304.

сказать, что благодаря культурной традиции эти слова не воспринимаются как экзотические. В Евангелиях встречаются непереведенные синтагмы, сопровождающиеся переводом: «*Или, Или! лама савахфани?* то есть: Боже мой, Боже мой! для чего ты меня оставил?» (Мф 27:46). Известно, что Евангелие от Матфея первоначально написано по-древнееврейски, но указанный фрагмент сохранился и в его греческом переводе.

Иначе обстоит дело с языковыми приметами еврейских оригиналов, отмеченными в кругу памятников, для которых утверждается или предполагается перевод непосредственно с древнееврейского. Русско-еврейские культурные и языковые контакты средневековья необходимо рассматривать в широком контексте связей Древней Руси с Востоком, однако на сегодняшний день эти контакты изучены далеко не полностью. Задачи интерпретации имеющихся источников, как и расширения базы привлекаемых для исследования текстов, остаются актуальными. Едва ли не ключевую роль в аргументации специалистов в пользу прямого перевода с древнееврейского играют гебраизмы, тем более, если доступен сохранившийся текст источника. Обнаружены гебраизмы и в текстах, сохранившихся только в древнерусских переводах, но существовавших некогда по-гречески, на сирийском, арамейском и других древних языках. В этих случаях возможна реконструкция утраченного подлинника.

До сих пор единственной специальной работой, посвященной гебраизмам, остается диссертация А. А. Архипова¹, исследующая разные группы языковых явлений – лексические, морфологические и синтаксические – в позднем переводе библейской Книги Даниила по Виленскому списку и древнерусской тайнописи. Предмет очерка – такие специфические явления, как гапаксы (слова, встречающиеся в тексте один раз), транслитерации

¹ Архипов А. А. Из истории гебраизмов в русском книжном языке XV – XVI вв.: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. М.: МГУ, 1982. 18 с.

собственных и нарицательных имен, специальные термины и глоссы.

Список древнерусских переводов с еврейского включает библейские книги (*Есфирь*, *Песнь Песней* по списку из Музейного собрания РГБ, девять книг по Виленскому списку); исторические сочинения (фактически, фрагменты только одной книги — средневековой редакции «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, которая называется «Иосиппон» и была составлена евреями в Италии, — входящие в состав Повести временных лет, Еллинского и Римского летописца, Академического Хронографы); апокрифы (Исход Моисея, Соломонов цикл, Слово Зоровавеля), литургические памятники («Псалтырь Федора-еврея»); философские и естественно-научные трактаты (Логика Маймонида, Логика и Метафизика Аль-Газали, Тайная Тайных, Шестокрыл, Лунник (Космография)¹. Спорными в этом списке являются книга *Есфирь* в раннем, не виленском переводе (высказано мнение о ее переводе с греческого), и Соломонов цикл (предполагается не перевод, а фольклорное заимствование). В то же время несохранившийся еврейский текст апокрифа I в. н. э. «Откровение Авраама» отразился в единственном дошедшем переводе памятника — древнерусском.

Наблюдения показывают наличие в памятниках следующих единичных, окказиональных форм:

Географическое понятие въ воньрамъ, в понорам (конъектура — по горам) (Исход Моисея, Откровение Авраама) — не что иное, как еврейское название Месопотамии *padan aram*; земля почторска — Верхний Египет (евр. *patros*) (Откровение Авраама). Иногда гебраизм тавтологичен: съчива *измала* (евр. *izmel'* «нож», «скальпель») (Откровение Авраама), ноть птьчь маль во имя

¹ Алексеев А. А. Переводы с еврейских оригиналов у восточных славян в эпоху средних веков // Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: средние века и начало Нового времени. М., 1993. С. 10–11.

шамирь; царица южска иноплеменница именемъ *малкатышка* (Соломонов цикл); *ширь гашим* (вместо *гаширим*) *аширли шломо*, рекше песни песнем иже к Соломону (Песнь Песней по Музейному списку).

Лексема *шамирь* — один из самых известных древнерусских гебраизмов. А. Н. Веселовский объяснял ее как глоссу под влиянием «жидовствующих», но она уже присутствует в старейшем списке повестей о Соломоне начала XV в., а понять смысл конструкции помогает еврейский контекст: *ноготь птичь* — переводческий плеоназм: евр. *ziporen* «ноготь» — того же корня, что и *zipor* «птица». Древнерусский переводчик сохранил экзотизм *шамирь*, так и оставшийся *hаrах legomenon*, без перевода, снабдив его русским эквивалентом, который тоже восходит к еврейскому архетипу. Имя «царицы южской» (Савской) — *малкатышка* — представляет собой искаженное еврейское *малькат шева*, «царица Савы».

В «Логике» Маймонида А. И. Соболевский обнаружил слово *тимсах* (др.-евр. *тимсах* «крокодил»)¹. В одном из сборников XIII в. встречается имя *Машиаак* (евр. *Машиах* «помазанник Божий»); в «Житии Феодосия Печерского» — слово *земарная* (евр. *замар* «петь», «играть на музыкальном инструменте»)². В «Псалтыри Федора-еврея» оставлены без перевода названия некоторых ангельских чинов³.

Говоря о терминологии, следует указать, что А. И. Соболевский находит в «Логике» обозначения субъекта и предиката *носе* и *насу* («по-еврѣскии носе, а по-словенски держитель, по-еврѣскии насу, а по-словенски одержимый»)⁴, в «Шесто-

¹ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. М., 1903. С. 407–408.

² Топоров В. Н. Святость и святые в Древней Руси. Т. 1. М., 1995. С. 348.

³ Архипов А. А. Из истории гебраизмов в русском книжном языке XV–XVI вв... С. 7.

крыле» и «Тайной Тайных» – еврейские названия знаков Зодиака⁵.

Гebraизмами следует считать и факты передачи имен собственных в их еврейском фонетическом облике: *Ерушалаим*, и даже грамматических категориях: *грѣхъ съгрѣшила ерушалаимъ* (Плач Иеремии по Виленскому списку, 1:8) – на древнееврейском города и страны женского рода. Следует отметить, что в большинстве случаев известные имена собственные употребляются в их греческом облике – Иерусалим, Соломон, тогда как менее распространенные сохраняют еврейское написание – *Шилоахъ* (при ц.-сл. *Силоамъ*), *Гошьнъ* (при ц.-сл. *Гесемъ*) (Пленение Иерусалиму третья, Титово, из Академического Хронографа, восходит к «Иосиппону»), *Дарь вещь* (<Дарий), *Корешъ* (<Кирь) (Книга Даниила по Виленскому списку, последнее см. также в Слове Зоровавеля); *Ахасьверось* (<Артакеркс), *Одь/Удь* (евр. *Hud*) – Индия, *Хус/Кушь* (евр. *Kuš*) – Эфиопия, *Сусан-град* (евр. *šūšan*) – Сузы (ранний перевод книги Есфирь). В Слове Зоровавеля император Тит назван *цесарь халдъиски* (в евр. источниках *Aram*, «Халдея, Вавилония» и *Romi*, «Рим» часто путаются).

Хронологическая запись в Сийском Евангелии 1338 г., использует еврейский календарный счет («месяца марта жидовска *нисана*»)⁶, то же явление отмечено и в Есфири: месяц десятии глаголющийся *тевевъ* по-жидовскому, а по-греческому декабрь (Есф 2:16); месяц *нисанъ*, глаголющийся апрель (Есф 3:7); *сиван*, рекомыи июнь (Есф 8:9).

По А. А. Архипову, большинство тайнописных терминов заимствованы из еврейского языка, а именно: *фіоть*, *хвиоть* – ис-

⁴ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков... С. 403.

⁵ Там же. С. 418.

⁶ Мещерский Н. А. К вопросу об изучении переводной письменности киевского периода // Учен. зап. Карело-Финского пед. ин-та. Т. II, вып. 1. 1956. С. 208.

каженное евр. *otiyuot* «точки, знаки для вокализации». В еврейской традиции термин обозначал прием тайночтения, при котором в толкуемом тексте первой букве алфавита соответствовала последняя, второй – предпоследняя и т. д. Этим же принципом руководствуется «простая литорея» древнерусской тайнописи; *икубана* – искаженное евр. *kawwana* «намерение, настрой», первоначально – внутренний смысл молитвы, позднее – игра букв и слов; *еффафа* – слово заимствовано из евангельского рассказа Мк 7:34 об исцелении глухого и косноязычного, где оно само оставлено без перевода и глоссировано как «отверзись». Подобно тому, как это слово было молитвой о даровании слуха и речи, так и невнятица тайнописи проясняется ее ключом. По данным Ричарда Джемса, автора «Словаря» начала XVII в., русская калька этого слова *отверница* обозначала у русских людей тайные языки; *тарабарская грамота*, *тары-бары* – связь с лексемами «раздабары», «раздабаривать», построенными по модели «разговоры», «разговаривать», где в качестве второго элемента выступает еврейский глагол *dabar* «говорить». Термин нередко относился к тайной речи евреев-торговцев. Функция тайнописи состояла в повышении сакрального достоинства текста, поэтому чаще всего она встречалась на границах текста – во вкладных записях, молитвах писцов, титулатуре. Использование еврейского языка предполагает повышение сакральности, таинственности, значения текста (тайнопись в заговорах, профессиональных языках, языке русского масонства)¹.

Наконец, отметим чрезвычайно интересное явление: глоссы на полях восточнославянских списков Пятикнижия XIV–XV вв., которые толкуют церковнославянский текст либо транслитерацией соответствующих еврейских конструкций (азь есмь сыи – *егее ашерь егее*), либо пояснением реалий (от чермнаго моря – *от суфескаго* (евр. *ям суф* «Красное море»), либо отсылкой

¹ Архипов А. А. Из истории гебраизмов в русском книжном языке XV–XVI вв... С. 13–15.

к раввинистической традиции (къ царю едему — *римскому* (отождествление Эдома и Рима свойственно средневековой талмудической письменности)¹.

Зеркально противоположное явление — славянские глоссы у еврейских экзегетов отмечал еще в XIX в. А. Я. Гаркави, а в недавней науке — Р. О. Якобсон, который указывал на «повышенный престиж чешского (в еврейской традиции — *ханаанского*) языка и ареала в среднеевропейском укладе иудаизма эпохи крестовых походов»².

Итак, несмотря на то, что большинство отмеченных слов и форм не вошли в основной фонд русского языка, встречаются крайне редко или вообще однократно, порою трудны для объяснения, они служат маркерами, имеют значение диагностических признаков и встречаются в диагностических контекстах.

¹ Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 182—184. О глоссах см. также: Грищенко А. И. Правленое славяно-русское Пятикнижие XV века: предварительные итоги лингвотекстологического изучения. М.: Древлехранилище, 2018.

² Якобсон Р. О. Из разысканий над старочешскими глоссами в средневековых еврейских памятниках // *Slavica Hierosolymitana*. Vol. VII. 1985. P. 46.

АРСЕНИЙ КАДЛУБОВСКИЙ, ПОДВИЖНИК АГИОГРАФИИ

К концу XIX — началу XX вв. губернский Харьков накопил мощный научный потенциал, который определялся, в числе прочего, именами ведущих специалистов во всех областях исследований. Одной из таких заметных фигур среди харьковских филологов и историков был Арсений Петрович Кадлубовский — историк русской литературы, университетский преподаватель, один из первых сотрудников Харьковской общественной библиотеки.

К изучению биографии Кадлубовского меня привлек Игорь Яковлевич Лосиевский — заведующий отделом редких изданий и рукописей Харьковской научной библиотеки имени В. Г. Короленко, под началом которого мне посчастливилось работать несколько лет до репатриации. Это была серьезная источниковедческая школа.

Арсений Кадлубовский родился в Москве 2 (14) марта 1867 г., учился в 3-й Санкт-Петербургской и Нежинской гимназиях. Последнюю (принадлежала к историко-филологическому институту князя Безбородко) юноша закончил с золотой медалью в 1884 г. и поступил в этот славный институт на словесное отделение. Курс обучения студент Кадлубовский закончил в 1888 г.; с тех пор началась и его педагогическая деятельность в Харьковской женской гимназии Д. Д. Оболенской (учитель русского языка) и прогимназии (учитель латинского языка)¹.

Вскоре он вернулся в alma mater: в 1890—1899 г. занимал должность наставника студентов Института князя Безбородко.

¹ Историко-филологический факультет Харьковского университета

Его деятельность в эти годы была разнообразной: выдержав магистерский экзамен на историко-филологическом факультете Харьковского университета, Арсений Петрович стал преподавателем (читал лекции по развитию теории поэзии и поэтических родов), был секретарем историко-филологического общества.

С сентября 1899 г. служебная и научная деятельность Кадлубовского целиком связана с Харьковом. Он начал преподавать в 3-й Харьковской гимназии (кстати, среди его учеников был будущий академик А. И. Белецкий²) и почти одновременно — в университете на кафедре русского языка и словесности, где коллегами Кадлубовского были известные специалисты — профессоры Н. Ф. Сумцов и М. Г. Халанский.

Педагогическая нагрузка приват-доцента Кадлубовского состояла из ряда специальных курсов: истории русской драматической литературы, старинной повести, апокрифов и легенд в русской литературе, литературных направлений Московской Руси³. Кроме того, он вел практические занятия по чтению и разбору фольклорных памятников (былин, духовных стихов, лирико-эпических песен), старинных повестей. Молодой педагог был одним из участников внедрения женского образования: читал публичные курсы для женщин по изучению русской народной словесности⁴.

В 1902 г. Арсений Петрович защитил в Варшаве магистерскую диссертацию «Очерки по истории древнерусской литературы житий святых», которая вышла в том же году отдельным

за первые 100 лет его существования (1805–1905) / Под ред. М. Г. Халанского и Д. И. Багалея. Факс. изд. Харьков: Сага, 2007. С. 116–118 (2-я пагинация).

² Белецкий А. И. Избранные труды по теории литературы. Москва, 1964. С. 5–24.

³ Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования... С. 116–118 (2-я пагинация).

⁴ Белецкий А. И. Указ. соч.

А. П. Кадлубовский

изданием и поставила имя ученого в ряд с именем В. О. Ключевского, других исследователей агиографии, доставив ему признание в филологической науке тогдашней России. Как считают современные исследователи, эта книга впервые аргументированно опровергала концепцию Ключевского, который довольно низко оценивал источниковедческий потенциал житийной литературы¹. В предисловии к «Очеркам...» автор объясняет свое обращение к житийному жанру и отмечает четыре аспекта исследований в трудах предшественников: литературная форма, легендарные мотивы, морально-религиозное мировоззрение и исторические источники. Отдавая должное тем ав-

торам, которые пытались исследовать агиографические произведения в названных аспектах (Ф. Буслаев, С. Шевырев), Кадлубовский особенно подробно останавливается на трудах Ключевского, отмечая их большое значение в разработке проблем агиографии и одновременно негативное влияние на научную традицию: великий историк оставил впечатление исчерпанности предмета и отказал жителям как историческому источнику в ценности. Работу Ключевского пытался продолжить И. К. Яхонтов в своей книге «Жития святых Поморского края как исторический источник» (1881), но он только усилил негативный взгляд на агиографию в этом аспекте. Кроме того, отмечает Кадлубовский, исследования осложнялись тем, что рукописные тексты многих житий не были опубликованы, а затем стали труднодоступными, и новые поколения ученых не принимались за поиски рукописных материалов, не считая их перспективными.

Итак, поставив целью опровергнуть такой односторонний подход и вновь привлечь внимание к одному из ведущих древнерусских жанров, А. П. Кадлубовский был уверен, что изучение житий возможно и после Ключевского, особенно если рассматривать легендарные мотивы и религиозное мировоззрение агиографа. Именно это и стало целью работы ученого. Структуру книги составляют пять отдельных очерков, четыре из которых посвящены литературной истории легенд об Авраамии Ростовском, Меркурии Смоленском, Никите Переяславском и легенд Волоколамского патерика, а пятый, самый большой по объему и широкий по содержанию, анализирует развитие религиозной мысли Московской Руси от Епифания Премудрого и Пахомия Логофета до Макария и его последователей. Таким образом,

¹ Забаев И. В. Православие и хозяйство: Обзор русскоязычных исследований, диссертационных работ, конференций, полемики по основным социально-экономическим доктринам РПЦ за период XIX – начала XXI вв. // Экономическая социология. 2005. Т. 6. №5.

труд Кадлубовского заложил основы дальнейшего изучения житийного жанра, не потеряв до сих пор своей актуальности.

В 1903 г. вместе с коллегами по университету исследователь участвовал в заседаниях Предварительного комитета по проведению Съезда славянских филологов при Императорской Академии наук в Петербурге. В декабре 1906 г. он был избран секретарем историко-филологического факультета. В то же время начинается деятельность Кадлубовского как сотрудника Харьковской общественной библиотеки¹. Впервые его имя упоминается в отчетах Харьковской общественной библиотеки (далее – ХОБ) за 1901 г., когда на собрании членов библиотеки он был избран кандидатом в члены правления². В 1902 г. он становится членом ХОБ и с этого года неизменно им остается; также с этого года Арсений Петрович – в правлении библиотеки (каждые три года члены правления

¹ Лосієвський І. Я. Робота з формування колекцій рідкісних видань і рукописів у Харківській громадській бібліотеці (кінець 1880-х – 1910-і рр.) // Короленківські читання 2006: Матеріали наук.-практ. конф. Харків, 2006. С. 9–14; Лосієвський І. Я. Передмова // Автографи діячів науки і культури на книгах із фондів Харківської державної наукової бібліотеки ім. В. Г. Короленка: тексти, факсиміле, біобібліографічні матеріали. Харків: ХПММС, 2008 (Серія «Харківські колекції». Вип. 1). С. 4–12; Лосієвський І. Я. Д. І. Багалій як ініціатор та організатор роботи з формування колекцій рукописів і автографів у Харківській громадській бібліотеці // Багаліївський збірник: акад. Д. І. Багалій та бібліотечна справа України: наук. статті та матеріали. Харків: Сага, 2008. С. 36–41; Лосієвський І. Я. Діяльність Харківської державної наукової бібліотеки ім. В. Г. Короленка з формування, збереження та розкриття колекцій пам'яток писемності та друку: історія, традиції, новації / І. Я. Лосієвський, С. Б. Шоломова, О. Л. Грабарчук // Зб. наук. праць. Вип. 6 / ХДНБ ім. В. Г. Короленка. Харків, 2012. С. 88–113.

² Отчет Харьковской общественной библиотеки за 16-й год ее существования. Харьков, 1902. С. 2.

выбывали по ротации, а затем возвращались после переизбрания). В 1907–1908 гг. Кадлубовский исполнял обязанности товарища председателя правления¹. Эти годы были, вероятно, наиболее спокойными и плодотворными в жизни ученого. Среди его функций в качестве кандидата и члена правления ХОБ – корреспонденция с авторами и издателями, научными обществами и правительственными учреждениями по поводу бесплатной высылки изданий; ведение протоколов собраний; заведование архивом (эту обязанность он разделял с 1903 г. с В. И. Саввой, а также с Н. А. Масловым и К. А. Медерским в течение ряда лет); впоследствии к ним добавились другие функции: подписка периодических изданий, заведование нотным абонементом, отделом библиотековедения, наблюдение за пополнением отделов каталога новыми книгами².

Следует отметить, что Харьковская общественная библиотека с первых лет своего существования работала не только как просветительское, но и как научное учреждение: ведь ведущие ученые, исследователи, преподаватели университета были администраторами, фондообразователями, работниками ХОБ, которая развивалась в постоянной связи именно с библиотеками Харьковского университета и Историко-филологического общества³. В 1903 г. по инициативе председателя правления Харьковской общественной библиотеки Д. И. Багалия в библиотеке был создан от-

¹ Отчет Харьковской общественной библиотеки за 22-й год ее существования. Харьков, 1908. С. 2.

² Отчет Харьковской общественной библиотеки за 17-й год ее существования. Харьков, 1903. Прил. 5. С. 37; Отчет Харьковской общественной библиотеки за 22-й год ее существования... С. 2; Отчет Харьковской общественной библиотеки за 27-й год ее существования. Харьков, 1914. С. 5.

³ Лосієвський І. Я. Робота з формування колекцій рідкісних видань і рукописів у Харківській громадській бібліотеці (кінець 1880-х – 1910-і рр.) ... С. 9–14; Лосієвський І. Я. Д. І. Багалій як ініціатор та організатор

дел рукописей и автографов⁴, основной задачей которого стало выявление «писем, мемуаров, записок, автографов» в частных собраниях, обращение к выдающимся деятелям в России и за рубежом с просьбой о присылке автографов, организация их хранения и научного описания. Когда отдел начал свою деятельность, эта работа была также поручена А. П. Кадлубовскому и В. И. Савве⁵. Арсений Петрович был причастен к созданию режима специального комплексного хранения памятников печати и письменности, предусматривающего дальнейшее научное раскрытие этих коллекций. Если вспомнить, что эта разнообразная деятельность сочеталась с напряженной преподавательской и научной работой, нагрузкой председателя библиотечной комиссии библиотеки Харьковского университета, становится понятным гражданский и научный подвиг, который был нормой жизни и Арсения Кадлубовского, и его коллег — интеллигентов, служивших своей стране и народу на ниве народного просвещения. Харьковская общественность достойно отметила заслуги ученого: в 1913 г. библиотека чествовала его в связи с 25-летием учено-литературной, педагогической и общественной деятельности⁶.

Арсений Кадлубовский известен также как даритель ХОБ: он передавал библиотеке как издания собственных работ, так и книги других авторов (в 1901—1906 гг. от него поступило пять изданий).

роботи з формування колекцій рукописів і автографів у Харківській громадській бібліотеці... С. 36—41.

⁴ Отчет Харьковской общественной библиотеки за 17-й год ее существования... Прил. 5. С. 37.

⁵ Лосієвський І. Я. Передмова // Автографи діячів науки і культури на книгах із фондів Харківської державної наукової бібліотеки ім. В. Г. Короленка: тексти, факсиміле, біобібліографічні матеріали... С. 7.

⁶ Отчет Харьковской общественной библиотеки за 27-й год ее существования... С. 5.

В годы Первой мировой войны Кадлубовский навсегда покинул Харьков и переехал в Петроград, читал курс в Петроградском университете (известно критическое отношение к этому курсу одного из слушателей – будущего академика В. В. Виноградова¹); потом судьба привела его в Пермь, где в 1916–1917 гг. он преподавал древнерусскую литературу в университете. Пермский университет открылся в октябре 1916 г. как отделение Петроградского, и Кадлубовский был одновременно деканом историко-филологического факультета и первым директором университетской научной библиотеки, занимался также фольклорными и этнографическими изысканиями. Искренние воспоминания оставил о нем и об исключительной атмосфере творческого научного поиска в тогдашней Перми Г. В. Вернадский, который, в частности, писал: «...древнюю русскую литературу читал бывший профессор Варшавского <так!> Университета Арсений Петрович Кадлубовский, глубокий историк русских святых, сам искренне верующий православный»².

В последние годы жизни – в 1919–1920 гг. – Арсений Петрович жил в Крыму, был профессором Таврического университета, где дружил с Сергеем Булгаковым и семьей Вернадских³. После окончательного прихода советов в ноябре 1920 г. исследователь покинул родину, добрался до Турции, но вскоре умер близ Стамбула.

Научный потенциал А. П. Кадлубовского, свидетельствующий о широких филологических интересах ученого, отражен в его трудах, хранящихся в библиотеках Харькова:

¹ Виноградов В. В. Из истории изучения поэтики (20-е годы) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1975. №3. С. 259–272.

² Вернадский Г. В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. №1. С. 142.

³ Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Киев: Наукова думка, 1997. С. 15. Запись от 9 (22) января 1920 г.

Несколько слов о значении А. С. Грибоедова в развитии русской поэзии // Сб. ист.-филол. общества при Ин-те кн. Безбородко в Нежине. Т. 1. Киев, 1896. Отд. 2. С. 128–155; отд. отт.: Киев, 1896. 28 с. – в ХГНБ им. В. Г. Короленко экз. с дарств. надписью: «...общественную библиотеку от автора».

Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным. Нежин, 1898. – в ХГНБ им. В. Г. Короленко экз. с дарств. надписью: «...общественную библиотеку от издателя».

«Правила пиитические» Аполлоса Байбакова // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. №7. С. 191–240.

Гуманные мотивы в творчестве Пушкина (речь в историко-филол. об-ве при Ин-те кн. Безбородко). Нежин, 1899. 20 с. – в ХГНБ им. В. Г. Короленко экз. с дарств. надписью: «В Харьковскую общественную библиотеку от автора».

Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Вып. 1–5. Варшава, 1902. – в ХГНБ им. В. Г. Короленко экз. с дарств. надписью: «В Харьковскую общественную библиотеку от автора 17. III. 1902».

Об источниках ломоносовского учения о трех стилях: Сб. в честь проф. М. С. Дринова. Харьков, 1905. 90 с. – в ХГНБ им. В. Г. Короленко экз. с дарств. надписью: «В Харьковскую общественную библиотеку от автора».

И. И. Замотин. Романтический идеализм в русском обществе и литературе 20-30-х гг. XIX ст. СПб., 1908 (см. также: Записки Харьковского университета. 1909. №3. С. 5–22).

А. С. Грибоедов. Его жизнь и сочинения / Сост. В. И. Покровский. Москва, 1904. 92 с. (один из авторов сборника).

«Сорена и Замир» Николева и трагедии Вольтера // Изв. ОРЯС. 1907. Т. 12. кн. 1; отд. отт. 1907. 20 с.

К вопросу о влиянии Вольтера на Пушкина. СПб., 1907. 29 с. (отд. отт. из сб.: Пушкин и его современники. Вып. 5. СПб., 1907).

Художник и моралист в Л. Н. Толстом. Харьков, 1911. 10 с.

Гоголь в его отношениях к старинной малорусской литературе. Нежин, 1911. 10 с.

Галицко-русский вариант сказания о крестнике. Харьков, 1914. 13 с.

К истории русских духовных стихов о преп. Варлааме и Иоасафе // Русский филологический вестник. 1915. Т. 29. №2. С. 224–248; отд. отт.: Варшава, 1915. 25 с.

ХРАНИТЕЛЬ. ВСЕВОЛОД СРЕЗНЕВСКИЙ

Делом жизни Всеволода Измайловича Срезневского (1867–1936) – историка, архивиста, палеографа, – так же, как и его великого отца, и братьев, стало служение русской культуре на одном из труднейших поприщ – хранения и исследования рукописных богатств. О том, как росло и крепло в детстве и отрочестве его призвание, ученый рассказал годы спустя: «...отец дал мне Евангелие от Иоанна. Я вникал в параллельные тексты, латинский и греческий, понемногу переводил стих за стихом; осилив несколько стихов, я читал их с отцом. По тем же драгоценным для мира строкам таким же самостоятельным путем я стал знакомиться по французской Библии с французским языком. Много из других мест Евангелия по выбору и указаниям отца переводил я тогда и чувствую теперь, как хороша и глубока была мысль отца учить меня языку, научить вникать в его тайну при посредстве такого творения, которое само по себе должно было стать основой моей будущей жизни и будущих отношений к людям»¹.

И еще – о воспитании в семье Срезневских: «...мы с ним переплетничали, клеили коробки, точили ножи, строгали доски, столярничали, работали на верстаке, на токарном станке, красили заборы, обклеивали стены обоями, копались в саду, хлопотали по домашеству. Эта наука умения применять силу и знания к делу, научив находчивости, сметке, сообразительности, потом мне очень пригодилась в жизни, дав возможность почти всегда

¹ Богатова Г. А. Отечественные лексикографы XVIII–XX вв. М.: Наука, 2000. С. 147–156.

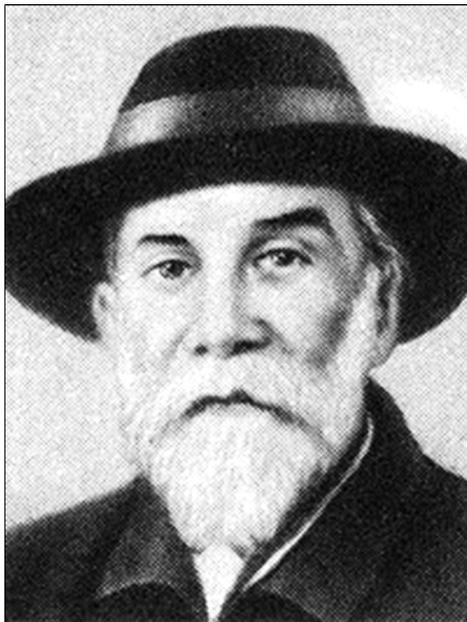
обходиться своими руками, своей головой, своими средствами, не прибегая к помощи других. Как не поблагодарить за все это отца, исподволь готовившего сына к жизни, как будто он сам, этот малыш, доходил до всего своим умом. Не выпало на мою долю закончить даже среднего образования под руководством отца: он умер, когда мне не исполнилось еще и тринадцати лет. Но заложенное им в мою детскую душу отношение к труду, понятие о своих обязанностях, о своем долге, о любви к Родине, к ее старине, литературе, памятниках ее письменности и быта сроднились со мною с тех давних пор»¹.

Будучи самым младшим сыном академика И. И. Срезневского, Всеволод с ранних лет, когда отца уже не стало, приобщился к работе над его знаменитым словарем древнерусского языка: проверял словарные карточки, подыскивал к словам греческие переводы и готовил черновой текст словарных статей.

Всеволод Измайлович тоже стал университетским человеком: учился на восточном факультете, окончил университет по юридическому и начал свою службу в Публичной библиотеке. С 1893 г. и до выхода на пенсию в 1931 г. его жизнь оказалась связана с Библиотекой Академии наук, в которой ученый осуществил свои основные работы. Начав с должности младшего, затем старшего помощника библиотекаря в журнальном и книжном отделах, он в 1900 г. был избран ученым хранителем рукописей в Рукописном отделении, только что открытом стараниями директора I (русского) отделения Библиотеки, выдающегося лингвиста А. А. Шахматова.

Необходимо отметить, что Шахматов и Срезневский почти одновременно приступили к работе в Библиотеке, и это было удачным совпадением. До прихода Шахматова в течение многих лет посетителей неизменно встречала табличка на дверях, извещавшая о том, что библиотека закрыта для посторонних в связи с ее реорганизацией. Новый директор сразу же устранил приви-

¹ Богатова Г. А. Отечественные лексикографы... С. 147–156.

Вс. И. Срезневский

легии в пользовании ее фондами, открыв их для преподавателей гимназий и даже студентов. Шахматов добился открытия при библиотеке специального читального зала для учащейся молодежи, а свой директорский кабинет отдал для выдачи книг на дом. По инициативе ученого в библиотеке создаются новые отделы: картографический, иконографический, нотный, отдел отчетов и другие. Но ни с чем не сравнимое внимание оказывает директор библиотеки рукописям. Благодаря такому подходу в 1900 г. Шахматову удается добиться создания при библиотеке специального Рукописного отделения, порученного Срезневскому. Всеволод Измайлович при содействии Шахматова начал свою работу с создания и постоянного пополнения фонда запрещенных и нелегальных изданий — поступка, требовавшего немалого личного мужества.

В 1901–1905 гг. Вс. И. Срезневский организовал ряд археологических экспедиций в Олонецкую губернию, в результате которых в библиотеку поступило множество рукописных и старопечатных книг, получивших всестороннее и исчерпывающее описание¹. Вс. И. Срезневский – автор ряда крупных библиографических работ: в 1890-х гг. он составил «Список русских повременных изданий с 1703 по 1899 год»² – первый полный список русских журналов и газет, издававшихся в России; совместно с А. Л. Бемом опубликовал описание изданий церковной печати эпохи Елизаветы Петровны; в содружестве с А. А. Шахматовым и М. Фасмером готовил «Обозрение трудов по славяноведению», печатавшееся в «Известиях Академии наук»; наконец, в соавторстве с Ф. И. Покровским составил и издал «Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии наук»³. Это последнее начинание по описанию рукописей БАН было в послевоенные годы продолжено в нескольких томах коллегами Срезневского.

В 1906 г. за участие в издании главного труда отца – «Материалов для словаря древнерусского языка» – он был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности.

После революции Срезневский принял для себя решение сотрудничать с новой властью: в 1919 г. он был одним из основателей Государственного музея революции; в 1920-е гг. помогал в организации музея Л. Н. Толстого при Академии наук и заведовал им до 1929 г., описывая документы, связанные с жизнью писателя⁴. Можно сказать, что Толстой (как

¹ Срезневский В. И. Описание рукописей и книг, собранных для Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913.

² Срезневский В. И. Список русских повременных изданий с 1703 по 1899 год. СПб., 1901.

³ Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии наук. Сост. В. И. Срезневский и Ф. И. Покровский. Т. 1–3, 1910–1930.

и А. Х. Востоков) был предметом особенной любви и внимания Всеволода Измайловича: к нему он обращался на протяжении целого ряда лет, в частности, создал летопись жизни и творчества Толстого⁵, описал некоторые автографы, заметки и записные книжки («О севастопольских песнях, приписываемых Л. Н. Толстому», «Язык и легенда в записях Л. Н. Толстого», «Кóневская повесть (к истории создания „Воскресения“»)). С 1925 г. Срезневский был старшим ученым хранителем Рукописного отделения БАН, с 1928 г. — заведующим IV отделением (рукописной книги). В 1931 г. в связи с реорганизацией Рукописного отделения он подал в отставку, после чего в качестве сотрудника академического Института языка и мышления им. Н. Я. Марра работал над словарем древнерусского языка, а также редактировал отдельные тома полного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Срезневский опубликовал библиографические материалы по истории русской литературы, русской книги и русской периодики XVIII—XX вв. Так, он подготовил к печати древнеславянский перевод византийской хроники Симеона Логофета и некоторые памятники древнерусской литературы, в том числе сохранившуюся в архиве И. И. Срезневского копию т.н. «Мусин-Пушкинского сборника»⁶. Большинство изданных им материалов и исследований снабжено обстоятельными примечаниями, указателями и приложениями. Помимо этого, он подготовил несколько публикаций по истории украинской литературы, напечатанных в «Киевской Старине», «Русской Старине», «Журнале Министерства народного просвещения» и вышедших отдельными изданиями⁷.

⁴ Толстой (1850—1860). Материалы. Статьи / Ред. В. И. Срезневского. Л., 1927.

⁵ Срезневский В. И. Канва жизни Толстого. Л., 1928.

⁶ Мусин-Пушкинский сборник 1414 года в копии начала XIX века / Издал Вс. Срезневский. СПб., 1893.

Большой интерес для славистики представляют его работы о А. Х. Востокове и И. И. Срезневском. Но Всеволод Измайлович писал не только об отце, но и о рано умершем дедушке⁸. Кроме того, в сборнике памяти И. И. Срезневского⁹ он напечатал библиографические материалы, относящиеся к жизни и деятельности отца; издал путевые письма И. И. Срезневского к его матери (1839–1842 гг.)¹⁰ и письма Добролюбова к Срезневскому¹¹; составил биографический очерк об отце в «Русском биографическом словаре». Важным вкладом в изучение биографии и творчества А. Х. Востокова была публикация его автобиографических заметок¹² и заметок о стихотворениях Востокова¹³.

Роль хранителя древностей, воспринятая Вс. И. Срезневским как служение и неукоснительно исполнявшаяся им всю жизнь, не только создала ему безукоризненную репутацию в ученом мире, обусловила высокий моральный авторитет, но и показала бесспорную культурную и общественную значимость археографической и текстологической работы. Его научное и литературное наследие поистине огромно, и в небольшой заметке невозможно перечислить все работы ученого.

⁷ Срезневский В. И. Климовский-Климов — казак-стихотворец и два его сочинения // Сб. Харьковского ист.-филол. об-ва. Харьков, 1905. Т. 16. С. 509–547; Срезневский В. И. И. Е. Бецкий — издатель «Молодика». СПб., 1900.

⁸ Иван Евсеевич Срезневский. Биографический очерк Вс. И. Срезневского. СПб., 1898.

⁹ Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Пг., 1915.

¹⁰ Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839–1842 гг. СПб., 1895.

¹¹ Н. А. Добролюбов. Переписка с И. И. Срезневским // Звенья. Т. 3–4. Л., 1934.

¹² Заметки А. Х. Востокова о его жизни / Сообщил В. И. Срезневский. СПб., 1901.

¹³ Памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1902.

Многое для изучения научного наследия Вс. И. Срезневского уже сделано: в 1924 г. друзья и почитатели выпустили сборник, подготовленный к 25-летию его ученой деятельности¹, а в последующие годы наследие выдающегося археографа и библиографа привлекало внимание многих историков науки (работы А. И. Копанева, В. Рунова, Л. А. Шилова; статьи в биографическом словаре сотрудников Российской национальной библиотеки и справочном выпуске «Словаря русского языка XI–XVII вв.»). Вместе с тем, для будущих исследователей-архивистов остается еще немало работы по описанию и введению в оборот материалов, собранных Вс. И. Срезневским.

¹ Историко-литературный сборник: Посвящается Вс. И. Срезневскому (1891–1916). Л., 1924.

ИСКУССТВО БЫТЬ ГУДЗИЕМ

В 1908 г. на занятиях Семинария В. Н. Перетца по русской филологии в университете Св. Владимира в Киеве появился новый студент. За плечами у него было детство в Могилеве-Подольском, где он родился в мае 1887 г. («...семья наша, в которой я был первенцем, была многодетная, родителям приходилось перебиваться из месяца в месяц, живя долгами, и соответственно складывался и наш детский быт...») и окончил 2-х классное городское училище; реальное училище в бессарабской глубинке, затем в Виннице и Киеве, куда семья переехала по долгу службы отца. Сдав экстерном экзамены за гимназический курс, Коля Гудзий поступил на славяно-русское отделение историко-филологического факультета.

А. А. Назаревскому принадлежит портрет Н. К. Гудзиев времен участия в Семинарии: «Худощавый, несколько даже тщедушный молодой человек, очень живой и подвижный, но не совсем ловкий в движениях, нередко ронявший из рук тросточку (дань тогдашней моде), — он легко мог натолкнуться на кого-нибудь, что-нибудь зацепить...»

Спустя годы профессор Гудзий напишет: «...я стал особенно усердным посетителем лекций профессора Владимира Николаевича Перетца, приобщавшего своих слушателей к тому, что должно было называть литературоведческой наукой, о которой мы не имели до тех пор никакого понятия, придя в университет со скудным багажом школьных разборов отдельных литературных произведений». И еще несколько слов об учителе, с которым Гудзий был связан «памятью сердца»: «переступив порог квартиры Владимира Николаевича, я сразу очутился в атмосфере повышенной научной настроенности, научной жажды и любознательности. Для меня, как и для других членов Семинария, присутствие в нем было своего рода праздником». Отношения

у профессора со студентами были доверительно-дружеские. Вот как о них писал сам Н. К. Гудзий: «Бывало, я только проснусь, а кто-то стучит тростью в окно — комната, где я жил тогда в Киеве, была на первом этаже. Это В. Н. Перетц вышел на утреннюю прогулку и кричит мне с улицы: „Николай Каллиникович, не хотите ли пройтись со мной? Побеседуем о Максиме Греке“». Так сложилось, что в бытность Перетца в Киеве его семинарий был веселым и уютным сообществом молодежи и маститого ученого: совместные посещения театров, концертов, катания на лодках по Днепру, совместные поездки для описаний рукописей составляли повседневную жизнь. Посещавший семинар Перетца уже в Петрограде В. Каверин добавил многозначительный штрих к портрету их общего с Н. К. Гудзием наставника: «... у него были свои причуды. Однако с наукой он не шутил, в прятки не играл и не пользовался ею для посторонних целей. Этому мы у него и учились...»

Вначале Гудзий выступил перед участниками Семинария с докладом «Был ли Максим Грек представителем Возрождения?», затем сделал сообщение «„Прение живота и смерти“ в старинной украинской литературе». Исследование «Жития Петра Скарги в украинском переводе XVI—XVII вв.» принесло молодому филологу золотую медаль на конкурсе филологических работ в университете. Впереди была долгая плодотворная работа в науке, отмеченная следующими вехами: «оставление при кафедре», как тогда говорили, «для подготовки к профессорскому званию», совмещенное с учительством в киевских гимназиях (1911–1914 гг.), получение магистерской степени и служба приват-доцентом в Киевском университете (1915–1918 гг.), профессура в Таврическом университете (1918–1921 гг.).

С начала 1920-х гг. мы видим Н. К. Гудзия в Москве: профессор кафедры истории русской литературы Московского университета, педагогического института, Института красной профессуры, Института философии, литературы и истории (ИФЛИ).

Н. К. Гудзий

В годы сталинского террора ученый чудом избежал расправы: в 1934 г. его фамилия фигурировала в списке подозреваемых по делу «Российской национальной партии».

С конца 1930-х научная работа Николая Каллиниковича связана с академическими институтами: в 1938–1941 и 1945–1947 гг. он руководил отделом древнерусской литературы и литературы XVIII в. ИМЛИ АН СССР, параллельно продолжая преподавать в МГУ, в 1945–1952 гг. возглавлял отдел русской литературы академического Института литературы им. Т. Г. Шевченко в Киеве (в это же время он был избран действительным членом АН УССР), в 1952–1961 гг. — отдел древней украинской литературы того же института.

В этот период своей деятельности он знаменовал связь русской и украинской научных традиций, теперь оставшуюся в прошлом.

В течение своего более чем полувекового научного пути академик Гудзий занимался широким кругом проблем — творчеством Феофана Прокоповича, Ломоносова, Пушкина, Гоголя, Тютчева, Брюсова, но особенно Толстого. Он был членом редколлегии юбилейного, 90-томного собрания сочинений писателя, для которого подготовил тексты около полусотни произведений и составил порядка сорока листов комментариев; опубликовал

значительное число статей, посвященных творчеству Толстого («Толстой и Лесков», «Толстой в русской литературе», «Как писалась и печаталась „Крейцера соната“ Толстого» и другие).

Другой стороной научных интересов ученого была история украинской литературы и история русской филологической науки. Однако основной научной специальностью и страстной любовью Гудзия на протяжении всей жизни оставалась древнерусская литература. В середине 1930-х гг. Николай Каллиникович начал работу над курсом истории древнерусской литературы для высших учебных заведений, и так появилась «Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII вв.» и знаменитый учебник «История древней русской литературы».

Д. С. Лихачев вспоминал: «Перед войной на стрелке Васильевского острова был академический книжный магазин <...> Он помещался в парадной Музея этнографии и антропологии. Там торговали не только академической книгой <...> Я работал тогда в Издательстве Академии наук, но был уже знаком с Григорием Александровичем Гуковским. Я встретил его на улице. Он почти бежал. На ходу он объяснил мне, что вышел учебник Гудзия, который обязательно надо купить».

Почему же учебник по древнерусской литературе вызвал такую реакцию коллег и читателей? Этот учебник пришел на смену существовавшим тогда курсам Е. В. Петухова, В. А. Келтуялы, П. Н. Сакулина и А. С. Орлова. С одной стороны, подход автора к материалу сформировался под влиянием академического литературоведения второй половины XIX – начала XX вв., которому был присущ «фактографический» пафос. Для Н. К. Гудзия бесспорна первичность текста перед любой концепцией. Автор учебника внимательно анализирует древнерусские тексты, их сюжеты, стиль, приемы. Отличает учебник и подробный пересказ содержания древнерусских текстов. В позднейших учебниках такие пересказы станут намного более лаконичными. Гудзий же следует старой традиции, но пересказ важен ему именно в учебных целях. Пересказывая древнерусские произведения, он приближает их к нам, освобождает от немоты голоса древне-

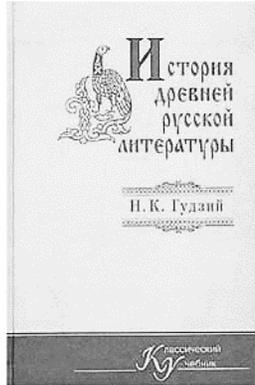
русских книжников. Изложение древнерусских произведений — увлекательное и живое. Учебник создавался и вышел в свет в то время, когда религия и религиозная литература находились едва ли не под запретом. Между тем автор подробно излагает содержание множества житий святых, возвращая эти произведения в современную культурную память. Для того времени это был смелый поступок.

С другой стороны, для Н. К. Гудзия были важны методологические правила, о которых напоминал студентам его учитель В. Н. Перетц: «Никогда нельзя смешивать с анализом документа своих рассуждений и домыслов, пополнять „от себя“ автора памятника. Нельзя смешивать факты, полученные из документа, с результатами рассуждения». В соответствии с этим анализ и выводы естественно следуют из изложения содержания памятников. Характеристика поэтики древнерусских памятников всегда выверена, далека от произвольности и необязательности, от неуместной и для педагога, и для ученого оценочности. Сохранил автор учебника и главное достояние культурно-исторической школы — рассмотрение памятников в богатстве их культурных связей, в преемственности по отношению к различным литературным традициям. В позднейших учебниках эта особенность была утрачена. Важной частью учебника Гудзия стали обзоры изучения древнерусских произведений: автор стремится учесть все существующие точки зрения, относящиеся к истолкованию смысла, датировке и атрибуции произведений. Автор, которому принадлежат специальные исследования многих произведений, никогда не излагает только собственную точку зрения. Сначала — текст (его пересказ), потом бесспорные сведения о нем, потом — все, что является дискуссионным. Таков неизменный дидактический принцип Н. К. Гудзия. Этот принцип проявлял себя и в повседневной жизни.

Удивительные качества Николая Каллиниковича свидетельствовали о масштабе его личности: «...он не был ни дипломатом, ни чиновником, ни хитрецом. Он не мог притворяться, выжидать или молчать, когда надо было протестовать, заступаться или ко-

го-то поддерживать. Как и многие очень добрые люди, он был вспыльчив. Сколько раз мы видели его рассерженным, возмущающимся, но, всплыв, он быстро отходил. Он никогда не радовался чужим неудачам, оплошностям, ошибкам, смешному положению, в которое попадал человек. Дурные поступки его всегда болезненно огорчали. Зато как он радовался чужим успехам, удачной книге, удачному выступлению, награждению достойных! Его часто фотографировали ученики. И на всех фотографиях „гудзиевское“ выступало очень ярко: его характерные жесты, его улыбка, его глаза. Это потому, что он всегда был самым собой, искренним до предела». Так описал своего старшего коллегу академик В. В. Виноградов. А вот как профессор Гудзий вел себя за лекционной кафедрой: «сюжеты житийной литературы, сказаний и апокрифов он передавал с редким изяществом, артистизмом, сам откровенно получая удовольствие от наивной мудрости древнего автора и прелести старинного слога. В наиболее забавных местах он уже заранее начинал хмыкать и как-то особенно форсисто покачивал своей выразительной, необычной головой, подыскивая подходящие слова для изложения чересчур откровенного сюжета» (В. Я. Лакшин). Или: «Николай Каллиникович входил в аудиторию стройный, подтянутый, с высоким стоячим галстуком-бабочкой, с огромным портфелем и поднимался на высочайшую кафедру, где он читал стоя. Меня – недавнего гимназиста – очень забавляло, что всякий раз, входя на кафедру и оглядывая полупустую аудиторию, в которой находилось 5–6 студентов, он громко обращался к нам: „Милостивые государи!“» (М. П. Алексеев).

Любовь к своему делу, эрудиция, чувство вкуса и такта, врожденная, неизменная доброжелательность открывали путь к таинству познания, к чуду взаимного общения и духовного обогащения: «Профессор поднимается на кафедру и извлекает из своего необъятного портфеля толстую небольшого формата „книжицу“ необычного вида. Обведя аудиторию лукавым, несколько насмешливым взглядом и пожевав губами, профессор представляется: „Гудзий Николай Каллиникович. Буду вам читать

Учебник Н. К. Гудзия в издании 2002 г.

древнюю русскую литературу. Лекции мои записывать не обязательно. Скоро выходит из печати мой учебник. Больше работайте самостоятельно, больше читайте, думайте!». Это уже слова другого ученика, впоследствии тоже крупного исследователя древнерусской словесности, В. В. Кускова.

Таинство продолжается. Выдержав семь изданий, книга Гудзия уже в наши дни, в 2002 г., была переиздана в серии «Классический учебник». Кажется, и теперь каждый, кто хочет начать знакомство с «древнерусской Атлантидой», не сможет пройти мимо этого труда. В числе трехсот привезенных с собой в Израиль самых необходимых в работе книг в моем шкафу стоит и учебник Гудзия.

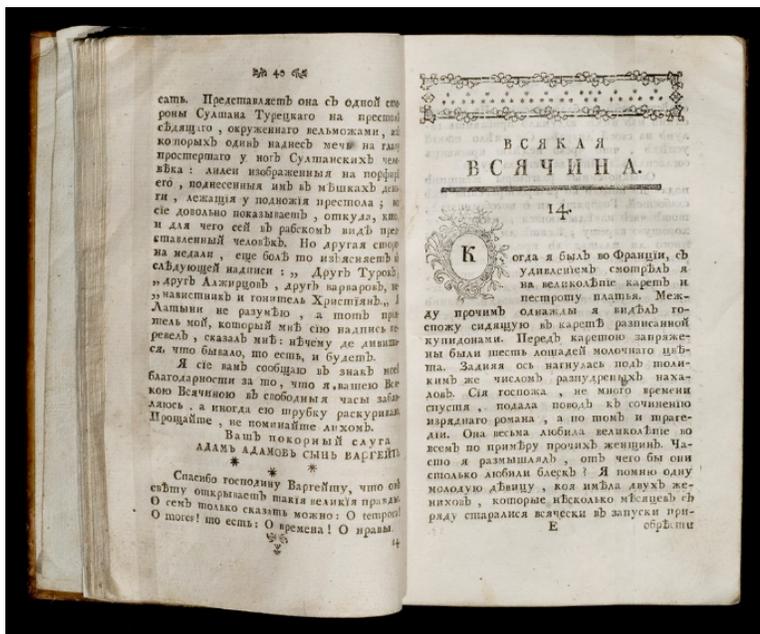
Русская литература XVIII – XXI вв.

ЖУРНАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ «ПАТРИКЕЯ ПРАВДОМЫСЛОВА»

«Всякая Всячина» — под таким названием в начале января 1769 г. в Петербурге, в академическом издательстве начал выходить новый журнал. Деньги за издание вносил Г. В. Козицкий, бывший в ту пору секретарем Екатерины II для «принятия челобитен» и возглавлявший «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг».

Журналы уже не были в России чем-то диковинным: еще с 1750-х гг. существовал почтенный академический журнал ученых новостей, переводов и критической библиографии «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие»; преподаватели и выпускники престижного Сухопутного шляхетного корпуса — молодые писатели и переводчики — издавали «Праздное время, в пользу употребленное»; поэты «кружка Хераскова» в Москве участвовали в нескольких друг за другом выходивших периодических изданиях — «Полезное увеселение», «Свободные часы», «Доброе намерение»; наконец, была предпринята попытка издания частного журнала — «Трудолюбивой пчелы» А. П. Сумарокова. Эти издания, выходившие на протяжении 1750-х–1760-х годов, воспроизводили одну и ту же модель: редакторские коллективы журналов, патронировавшие властью и разделявшие ее взгляды. К этой же группе можно отнести журнал «Всякая Всячина».

И все же «Всякая Всячина» стала первым образцом сатирического направления в журналистике. Это издание было не только заметным событием 1769–1770 гг., но сохраняло свое значение и позже, с появлением журналов Н. И. Новикова, Ф. А. Эмина, затем И. А. Крылова и других — ведь оно было и родоначальником, и оппонентом такого рода журналов

Лист журнала «Всякая Всячина»

в споре о предназначении и границах сатиры.

Неофициальным издателем еженедельника была Екатерина II – журналист, публицист и драматург, чье творчество еще не получило всестороннего исследования и должной оценки. На страницах «Всякой Всячины» ей принадлежат рассуждения от имени «Патрикея Правдомыслова».

Публикация литературного наследия Екатерины началась в XIX в: издания А. Ф. Смирдина, В. Ф. Солнцева, А. Ф. Маркса; самое полное, академическое издание под редакцией А. Н. Пыпина, выходявшее в 1901–1907 гг., казалось бы, учитывают обширное наследие «писательницы на троне», однако ни в одном из них наш журнал не воспроизводился. С одной стороны, участие Екатерины в нем не было общеизвестным и общепризнан-

ным, с другой — атрибуция ей отдельных статей была гипотетической. Начиная с середины XIX в. были сделаны важные шаги в изучении «Всякой Всячины»: в 1839 г. в «Отечественных записках» появилась заметка М. Макарова «Библиографические редкости («Всякая Всячина», еженедельник на 1769 г., издававшийся с «Барышском» Г. В. Козицким)»; в том же журнале в 1855 г. публиковалось разыскание А. Н. Афанасьева «Русские сатирические журналы 1769–1774 гг. Эпизод из истории русской литературы XVIII в». Известное сочинение Н. А. Добролюбова «Русская сатира в век Екатерины» появилось в «Современнике» в 1859 г., а годом позже в «Русском слове» Д. Л. Мордовцев выступил с работой «Обличительная литература в первых русских журналах и стеснение гласности». Журналы Екатерины II упоминались в трудах по истории русской журналистики (А. П. Пятковский), а затем стали предметом ряда статей и книг В. П. Семенникова — известного исследователя редких изданий, библиофила и книговеда начала XX в. («Русские сатирические журналы 1769–1774 гг. (разыскания об издателях и сотрудниках)», «Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II»). Отдельные аспекты истории еженедельника, как, например, взаимоотношения с английским журналом «Зритель», выходящим в начале XVIII в. под редакцией просветителей Дж. Аддисона и Р. Стила, были рассмотрены В. Ф. Солнцевым и В. Лазурским; «Всякой Всячине» было посвящено монографическое исследование Н. П. Автономова, печатавшееся в «Чтениях Общества любителей истории и древностей Российских» и вышедшее отдельным изданием в 1913 г. В советское время «Всякая Всячина» кратко упоминалась в общих работах по истории русской литературы и журналистики, начиная с учебника Г. А. Гуковского, а затем у П. Н. Беркова и А. В. Западова в контексте критики просветительской программы правительства, екатерининской литературной политики и консервативной позиции, которую заняла «Всякая Всячина» в полемике с «Трутнем».

Важно отметить, что «Всякая Всячина» выступила в роли законодателя литературных вкусов и выходила с продуманной эс-

тетической установкой: «я хотел показать, первое – что люди иногда могут быть приведены к тому, чтобы смеяться самим себе; второе, открыть дорогу тем, кои умнее меня, давать людям наставления, забавляя их, и третье – говорить русским о русских и не представлять им умоначертаний, кои оные не знают» (из заключительного обращения к читателю).

Журнал декларировал на своих страницах: «не целить на особ, а единственно на пороки», и потому с названием и политикой журнала связывается представление об «улыбательной сатире». Мишенью этой сатиры становятся скорее нравы, нежели вкусы. «Всякая Всячина» восклицает: «К чему служат законы, когда нравы испорчены?» и при этом признается, что надпись эта красуется на книжке, купленной ею на Спасском мосту (известное в Москве место торговли лубочными картинками и книгами).

Попытка исправления нравов была связана как с просветительскими принципами вообще, так и с особенностями воспитания и образования самой государыни: «она не любила ничего грустного, чувствительного и претендующего на остроумие...», – писал австрийский аристократ на русской службе принц Ш.-Ж. де Линь, – «не любила и не знала новейшей литературы. Она обладала более логикою, чем риторикою... В ее слоге больше ясности, чем легкости... оттенки, прелесть мелких подробностей, живость слога были чужды ей».

В «письмах» читателей и «ответах» издателя – формах, избранных в качестве литературного приема авторами журнала – содержатся суждения и оценки, относящиеся к эстетической программе издания, современным ему общественным нравам. Театральные впечатления, например, представлены в отклике анонимной «читательницы» на пьесу Г. Колле «Тесть и зять» (№15; *здесь и далее в скобках указаны номера выпусков журнала – К. Б.*), изобилующую ненатуральными театральными эффектами и преувеличениями, вместе с замечанием: «критика легка, но искусство не легко... при теперешнем положении наук у нас... гораздо нужнее поощрение, нежели строгая критика. Но вооб-

ще, чем более будет переводов и сочинений, тем более будем иметь надежды получить со временем лучшие, а может быть и совершеннейшие». Неудивительно, что, по отзывам современников, из драматических жанров Екатерина больше любила комедию, чем трагедию. Более по вкусу ей были буффонада и фарс.

Из немногочисленных литературно-критических отзывов во «Всякой всячине» заслуживают внимания защита пьес В. И. Лукина от нападок современников; насмешки над «Тилемахидой» и «Аргенидой» В. К. Третьяковского, который поистине здесь играет роль «мальчика для битья» («ложась спать, чтоб изволила прочесть рядом шесть страниц нашего сочинения, а потом шесть страниц Тилемахиды, и крепко надеемся, что сим способом уже она не услышит храпления своего супруга», — советует «Всякая Всячина» «читательнице» Авдотье Хрипухиной; «впрочем мы спорить не будем, что стихи Аргениды одни могут служить к таковому же употреблению, но вместе с Тилемахидою они произведут терзание жил, потяготу, тягость и отвращение ото всего»; «если скучна Тилемахида, то этому можно помочь, читая вышедшие из перевода книги древней и римской истории»). Необходимо иметь в виду, что простой слог «Всякой Всячины» противопоставляется неясному изложению «Тилемахиды» еще и в борьбе за новый литературный язык; как знак ухода в прошлое норм классицизма, и потому это противопоставление отдано «читателю» — защитнику высокой литературы, критикующему «нововведения». «Всякая Всячина, соединенная с вещами себе подобными, произведет к чтению жадность», — уверены в своей правоте издатели журнала. И как подтверждение этих слов, «читатель» Чертухин хвалит «Всякую Всячину» за то, что хорошо пишет, и хулит за то, что редко (№17).

Мы встречаем здесь похвалы М. В. Ломоносову, А. П. Сумарокову: «бред мой состоит в том, что браню худых сочинителей... на примере „Зятя и Тестя“ и „Разумного Вертопраха“ и тому подобных, исключая славных „Синава“, „Хорева“ и прочих,

которые ясно показывают великость духа сочинительства»; «... стал знать вкус во книгах и больше любил читать хороших стихотворцев... покойного Ломоносова и господина Сумарокова, как первых российского Парнаса светильников» (№26).

Излишне говорить, что стиль журнала ироничен, но при этом он еще – что редко встречается – самоироничен: один из «корреспондентов», камчадал Аришлай Шуши, хранит выпуски «Всякой Всячины» в двух ящиках – в одном «с остротою», во втором «без остроты, следовательно, ничего не значащие». Он надеется, что автор наполнит оба ящика наравне, ибо иначе шкаф его, наклоняясь на одну сторону, непременно упадет (№12). «В Аглинском зрителе», – продолжает эту метафору журнал, – «очень немало соли, а Всякая Всячина на него походит, так для чего же не быть и в ней чему полезному для общества?» Зависимость екатерининского журнала от издания Аддисона и Стила замечена давно, но ее не скрывали и сами издатели.

Резкая, серьезная общественная сатира, с политическим и социальным оттенком, вызывала у царственной писательницы раздражение: так, «геротрагическую» поэму, присланную в редакцию (№40) не печатают из-за «меланхоличности». При этом Екатерина умела подчинять свои личные пристрастия тому, что считала полезным и необходимым. Например, она научилась тому, что не следует отделять искусство образовывать людей от искусства ими управлять: «всем известно, какой вред от того происходит, когда вместо знающего человека употребляют дурака, а еще более, выученного глупца. Он думает, что все то делать можно, что написано в Дон Кишоте». Так, зачастую мимоходом, «Всякая Всячина» дает важные политические оценки.

«Всякая Всячина» мало пишет о литературе еще и потому, что в какой-то мере сама создает эту новую литературу, и является «бабушкой» многочисленных «внучат» – сатирических журналов, с которыми пытается жить в согласии («любезный внучок «Ни То ни Се» (№26). То, что разразилась буря в полемике с «Трутнем» Новикова, было явной неожиданностью и досадным происшествием для нее.

В целом же литературные вкусы журнала традиционны, темы не выходят за рамки обыденности, а стиль повествования остается легким.

Нам представляется важным вспомнить о «Всякой Всячине» еще и потому, что выход в свет этого издания был необыкновенным событием в русской истории: ни при Елизавете Петровне, ни при Павле Петровиче, ни даже при воспитаннике просвещенной бабушки Александре Павловиче подобное невозможно представить. Кроме того, русские «писатели на троне» были обыкновенно тиранами (вспомним Ивана Грозного или Сталина), а Екатерина вполне реализовала в своем творчестве и в этом журнале в частности некоторые тезисы автоэпитафии: «снисходительная, любившая непринужденность в жизни, веселая от природы, с добрым сердцем — она имела друзей... В обществе и словесных науках она находила удовольствие».

«КТО ЗНАЕТ ДЯДЮ ИРИНЕЯ?» ВЛАДИМИР ОДОЕВСКИЙ

В. Ф. Одоевский

Владимир Федорович Одоевский как писатель для народа — тема в таком ракурсе кажется на первый взгляд парадоксальной. В самом деле, работая в просветительских учреждениях и комитетах, членом которых он был, Одоевский считал также необходимым создавать полезное и понятное грамотному ремесленнику или крестьянину чтение. Это тем более необычно, что его творчество было далеко не общедоступным,

а литература для «низового читателя» в его время не выходила за рамки лубочных листов и сказочных повестей, насчитывавших не одно столетие, но к середине XIX в. казавшихся безнадежно устаревшими.

Важность этой задачи Одоевский осознал одним из первых среди русских литераторов: намного позже ее подхватил Л. Толстой, писавший для издательства «Посредник», В. Гаршин, В. Короленко и другие. При этом важно помнить, что достаточные условия для роста народной грамотности появились после реформ 1860-х гг., а Одоевский начал свою работу в конце 30-х — в 40-е гг., в эпоху, когда она была в диковинку. Как писал А. Ф. Кони, «одной из выдающихся сторон литературной деятельности Одоевского была забота о просвещении народа... забота тем более ценная, что крайне редко встречалась в то время и многими рассматривалась как странное чудачество»¹.

Создавая «Сказки дедушки Иринейя», вышедшие отдельным изданием в 1841 г., писатель ввел в русскую литературу образ чудаковатого рассказчика-мудреца, «магистра философии и члена разных ученых обществ» Иринейя Модестовича Гомозейки. Этот-то дедушка Ириней и рассказывал сказки, адресованные прежде всего маленьким читателям. Сказки «одинаково чуждые как деланной сентиментальности, так и слишком раннего ознакомления детей с ужасами жизни и ее скорбями» были важным событием в литературе: А. Ф. Кони, верно, думал о своем поколении, когда вспоминал, что «для людей, детство которых совпало с 50-ми годами, „Червячок“ и „Городок в табакерке“ остались памятными на всю жизнь»². Для взрослых грамотных людей из народа Одоевский тоже писал нечто вроде сказок, но их рассказывал уже не «дедушка», а «дядя Иринейя», не магистр и ученый, а мужик, чьи «грамотки» появлялись на страницах журнала

¹ Кони А. Ф. Князь В. Ф. Одоевский // Энциклопедический словарь. Т. XXI-а. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1897. С. 749.

² Там же.

«Сельское чтение», изданного впервые в 1844 г. и затем вышедшего в свет многочисленными переизданиями на протяжении двух десятилетий.

Подготовка и выпуск журнала были частью масштабной деятельности сторонников реформ; соратником Одоевского в этом начинании был А. П. Заблоцкий-Десятовский – просветитель, экономист, статистик, чиновник Министерства государственных имуществ и редактор министерского журнала. Он знал жизнь крестьянской России из собственного опыта: в 1841 г. объехал внутренние губернии для изучения положения крестьян и представил записку «О крепостном состоянии в России», в которой рассматривал крепостное право со всех сторон – хозяйственной, нравственной и политической; реформа 1861 г. во многом учитывала оценки и рекомендации Заблоцкого.

Соединив практическую сметку, административный опыт, художественный талант и бескорыстное желание послужить общему делу, издатели получили весомый результат: книжки журнала разошлись более чем 30-тысячным тиражом; свои материалы для публикации предоставили А. Вельтман, В. Даль, М. Загоскин, Е. Карнович, В. Соллогуб. Этот успех Белинский объяснял как глубоким знанием быта, потребностей и самой природы русского крестьянина, так и талантом, с каким издатели сумели воспользоваться этим знанием: «...эта книга, не принадлежа собственно к тому, что обыкновенно называется „литературою“, – тем не менее принадлежит к важнейшим произведениям современной литературы и весом своей внутренней ценности перетянет многие пуды романов, повестей, драм – даже „патриотических“ <...> „Сельское чтение“ знает, с кем имеет дело, и не потчует паштетами того, кому калач в сласть и лакомство. В книгах такого рода обыкновенно думают, что дело в шляпе, если наговорили с три короба нравоучений: „Сельское чтение“ понимает, в каком нравоучении нуждается наш народ, и, как искусный врач, оно не лечит от подагры человека, который пьет не шампанское, а сивуху. Внушая простому человеку правила религии, преданность и благодарность престолу, „Сельское чтение“ постоянно

держится в сфере быта и положения простого человека, — в сфере чисто практической»¹.

Журнал был попыткой дать народу содержательное и полезное чтение, которое могло бы конкурировать с лубочной литературой. Противопоставив лубочным персонажам рассудительного «дядю Иринея», Одоевский тем самым дал понять, что пишет для достойных сограждан, способных и желающих учиться, жить разумно и ответственно.

Дядя Иринея появляется только во 2-й книжке журнала (представляет его рассказчик): «Кто знает дядю Иринея, вот что живет в селе Ивановке? Изба у него такая славная, с красными окошками и расписными ставнями; на вышке петух, а по навесу разукрашено резьбою до чрезвычайности! Не знаете? Так я вам расскажу про него. Человек он не старый, да и не молодой, но такой здоровенный; сам работает, да и батраков нанимает, потому что человек бессемейный, были у него жена и дети, да всех Бог прибрал; вот уже лет десять как он взял землишку на оброк под Ивановкой и поселился на ней...»² Поначалу посмеивавшиеся над дядей Иринеем односельчане, присмотревшись, поняли, что у соседа есть чему поучиться: «с тех пор каждое воскресенье дядя Иринея, помолясь Богу за обедню, сядет у ворот на завалинку, а кругом его старый и малый; дядя Иринея говорит, а парни слушают да смекают». Дается и мотивировка появления «грамоток»: «да тем часом прилучился писарь-грамотей, малый бойкий, послушал, пошел домой, принес с собою перо да бумагу, да присел поближе к дяде Иринею, что дядя скажет, то писарь запишет. С тех пор пошли по свету грамотки дяди Иринея, ходили-ходили, да и до нас дошли, а мы их вам передали...»³ «Грамотки» дяди Иринея рассказывают обо всем на свете — о паровозах, газовых фонарях, градусниках, домашних жи-

¹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Изд. АН СССР, 1955. Т. 6. Статьи и рецензии. 1842–1843. С. 683.

² Сельское чтение. 1844. Кн. 2. С. 23.

вотных, насекомых, личной гигиене и других вещах с мягким юмором, доходчиво и увлекательно, сочным и понятным языком, и всякий раз писатель находит для этих рассказов динамичную повествовательную форму: то ли беседы дяди Ириней с молодыми парнями, бывшими на заработках в Питере, то ли воспоминаний о случаях из жизни односельчан. Возникает иллюзия живого диалога, непосредственного участия в разговоре.

Интересно отметить, что дядя Ириней — не единственная ипостась думающего крестьянина в «Сельском чтении»: в 1-й книжке своих детей поучает крестьянин Наум: «есть такие глупые люди, что один хлеб едят, а другим брезгают, едят репу, морковь, яблоки, а картофель называют проклятою травой... от того, что ты будешь есть картофель, зла никому не будет, а есть добро, потому что картофель бережет хлеб»⁴. В XIX в. польза картофеля еще не была очевидной для широких слоев крестьянства; печатное слово было орудием в борьбе за новый земледельческий уклад. Так и грамотки дяди Ириней: они идут впрок только разумным людям. «Ну что ты с неразумным будешь делать? Все он на лукавого натывается, а лукавый тому и рад, его же на кривду наводит»⁵. Дядя Ириней, грамотей, философ-самоучка и резонер, наставляет своих слушателей в простых истинах: «Бог дал нам ум на то, чтобы мы могли и свое добро приумножить, и от беды охраниться; кто умен да учен, тому чаще и удача бывает, но Бог нам дал ум и на то, чтобы в неудаче напрасно не роптать, а поближе посмотреть: отчего была неудача, чтобы вдругоряд быть смышленее...»

Эти простые истины дяди Ириней и его создателя — князя-демократа В. Ф. Одоевского, проповедника «деятельной любви к людям», неплохо бы помнить и нам, читателям, живущим полтора века спустя.

³ Там же. С. 26.

⁴ Сельское чтение. 1844. Кн. 1. С. 19.

⁵ Там же. Кн. 3. С. 5.

СОБЕСЕДНИК ШЕКСПИРА ВАСИЛИЙ ЯКИМОВ

Харьковский университет, не удостоившийся внимания Пушкина по пути в Арзрум, стал одним из центров раннего русского шекспироведения: здесь работал Василий Алексеевич Якимов (1801–1853), педагог и переводчик.

Сын священника, Якимов окончил Белгородскую семинарию, но сана не принял; вместо этого он поступил «своекоштным» студентом на словесный факультет Харьковского университета, из которого выпустился в 1826 г. кандидатом с золотой медалью. Молодой филолог был определен учителем словесности в институт благородных девиц, а с 1831 г. преподавал русскую словесность и в alma mater. Годом позже Якимов защитил магистерскую диссертацию в Петербурге и был утвержден адъюнктом Харьковского университета. Еще через несколько лет, опубликовав докторскую диссертацию, он стал там же профессором.

Но главным делом провинциального филолога были переводы шекспировских пьес. Как писал он в своей диссертации, Шекспир «рассек на самые малейшие частицы сердце человеческое <...> показал нам человека во всей наготы, приблизив его с одной стороны к чистым жителям небес, а с другой отбросив в мрачное царство ада»¹.

Сведения о литературной деятельности «собеседника Шекспира» достигли столиц, и его переводы вызвали интерес. В январе 1832 г. Погодин дал ему рекомендательное письмо к Алексею

¹ Якимов В. А. О духе, в коем развивалась российская словесность со времени Ломоносова, и влияния, какое на сие имели литературы иностранные. СПб., 1833. С. 76–77.

Веневитинову, с которым Якимов приехал в Петербург. Столичный адресат, в свою очередь, познакомил его с Одоевским и другими литераторами. В марте состоялась встреча с Пушкиным, во время которой Якимов преподнес поэту «речь в стихах» «Дар слова» с инскриптом «20 марта 1832»¹. В январе следующего, 1833 г. Якимов читал свой перевод «Венецианского купца» в доме цензора Никитенко. Вскоре повторное чтение прошло в доме Одоевского, который отправил Пушкину письмо с приглашением, но поэт на вечер не пришел (по предположению Льва Модзалевского, Пушкин уклонился от чтения Якимова, потому что после первой встречи у него сложилось невысокое мнение о поэтическом таланте переводчика)².

Переводы двух пьес, «Король Лир» и «Венецианский купец», вышли в Петербурге почти одновременно в 1833 г. Раскрывая свой подход к переводу, Якимов утверждал: «...переводчик старается сберечь все, что есть в подлиннике, исключая то, что противно нашим приличиям. <...> Где можно, там он переводит стих в стих и даже слово в слово; где нет, там, по необходимости, вместо одного стиха он ставит полтора и более <...> самый размер стихов, повторения слов в известных местах, рифмы удерживаются везде, где можно, и все высказывается так, как есть»³. К достоинствам переводов Якимова можно было бы отнести их точность, научные примечания, ссылки на комментаторов Шекспира, но все они не могут перевесить главного недостатка — отсутствия художественности. На самом деле, теплый прием в кругу писателей был вызван трудолюбием и смелостью замысла Якимова, решившего «перевести всего Шекспира», как писал Одоевский Пушкину; тогда же Киреевский сообщал Языкову о том, что у Якимова были «готовы уже семь переводов Шекспи-

¹ Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. 9/10. С. 119.

² Пушкин А. С. Письма. Т. 3. Москва; Ленинград, 1935. С. 574.

³ Якимов В. А. Король Лир. СПб., 1833. С. VI.

ра». Но когда переводы вышли в свет, на них обрушилась критика, вызванная буквализмом переводчика и тяжеловесностью его стихов, затемняющей смысл текста: «иногда <...> трудно дознаться, о чем говорит действующее лицо»¹; «язык русский ломается и стонет в насильственных тисках, сколоченных слепым порабощением оригиналу»². Журналист «Северной Пчелы» упрекал Якимова в «мозольном старании о тождестве мыслей, а преимущественно слов» в ущерб «тождеству духа каждой пьесы, в переводе и подлиннике...»³. Впоследствии переводческая деятельность Якимова была резко оценена Белинским⁴, а Добролюбов совсем не относил его «к числу переводчиков Шекспира»⁵. С уважением о «честном и полезном труде» Якимова отзывался лишь Дружинин, назвав его перевод «Короля Лира» «полнейшим и подробнейшим»⁶.

Дело в том, что Якимов работал в русле господствовавшей в его время «тенденции к максимальному приближению перевода к оригиналу, граничившему с буквализмом». Такая тенденция была вызвана «отрицанием прежних методов вольных переложений», стремлением подчиниться «замыслу автора», «неразработанностью методов адекватной передачи художественной формы при переводе»⁷. И потом, его «ученые переводы» были «решительно непригодны для театрального исполнения»⁸. Якимов перевел еще пьесы «Отелло», «Цимбелин», «Сон в летнюю ночь» и «Что вам угодно»⁹, но о судьбе этих текстов сведений нет.

¹ Московский Телеграф. 1833. Ч. 51. №9. С. 157.

² Молва. 1833. 15 авг.

³ Северная Пчела. 1833. 27 мая, 29 мая.

⁴ Письмо В. П. Боткину от 10–11 дек. 1840 // В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. XI. Москва, 1956. С. 578.

⁵ Добролюбов А. Н. Собрание сочинений в 9 т. Т. 2. Москва, 1962. С. 489.

⁶ Дружинин А. В. Собрание сочинений. Т. 3. СПб., 1865. С. 10–11.

⁷ Шекспир и русская культура. Ленинград, 1965. С. 249.

⁸ Там же. С. 264.

Контраст между радушным приемом столичных писателей и жесткой критикой, житейские и семейные невзгоды надломил Якимова: в 1840-е гг. он духовно опустился, оставил переводы, начал пить. По отзыву Михаила Де-Пуле, слушавшего тогда его лекции в университете, он «был человек добрый, а главное, какой-то забитый или надломанный, потому и делом своим занимался спустя рукава: случалось, что по приходе он тотчас уходил с лекции, сознаваясь, что не приготовился к чтению, — а между тем этот человек был и образованнее, и учнее современных ему профессоров-словесников в других университетах»¹⁰. В последние годы жизни Якимов приобрел дом и открыл пансион для купеческих детей с преподаванием предметов гимназического курса, но без древних языков. Однако пансион не принес Якимову успеха и способствовал его разорению. В 1852 г. по выслуге лет он был отправлен в отставку и через год скончался.

Назвать Василия Якимова победителем или выдающимся деятелем нельзя. Но его жизнь была дерзанием — в обстановке провинциальной затхлости, неблагоприятного окружения, незавидных обстоятельств. Рискнув бросить им вызов, Якимов проиграл, но, не шутя со своим призванием и не пользуясь им для посторонних целей, заслужил честное имя и несколько памятных слов¹¹.

⁹ Срезневский И. И. Отчет о состоянии Императорского Харьковского университета за 1842/43 академический год. Харьков, 1843. С. 41.

¹⁰ Де-Пуле М. Ф. Харьковский университет и Д. И. Каченовский: культурный очерк и воспоминания из 40-х годов // Вестник Европы. 1874. №1. С. 97.

¹¹ Сумцов Н. Ф. В. А. Якимов // Южный край. 1903, 22 дек.; Шекспир. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. 1748–1962. Москва, 1964.

ИВАН ЯВЛЕНСКИЙ, ЛИТЕРАТОР ИЗ АСТРАХАНИ

И. Н. Явленский

Храбрый воин, прилежный чиновник, добрый товарищ и поэт со скромным дарованием – таким был Иван Никифорович Явленский (1824 – после 1891), представитель известной семьи, из которой вышли его брат, полковник Георгий Явленский, и племянники – Сергей, генерал, Дмитрий, псковский губернатор, и Алексей, знаменитый русско-немецкий художник-авангардист.

Воинский жребий братьев Явленских был predetermined самим их рождением в семье военного врача, старшего лекаря Тифлисского военного госпиталя. Иван воспитывался в Дворянском полку и был выпущен прапорщиком; служил в Черноморском линейном батальоне, затем в Эриванском карабинерном

полку; участвовал в боях Кавказской войны, за отличия в сражениях повышен в чине до подпоручика, поручика, а уволен со службы штабс-капитаном¹. В 1891 г. отставной офицер впервые явился на встречу выпускников Дворянского полка (в ту пору — уже Константиновского военного училища) по случаю празднования его 84-й годовщины. Об этом событии упомянула «Русская старина» и поместила «от сердца вылившееся стихотворение» «Друзьям», которое Явленский, выпускник 1844 г., прочел на празднике:

Друзья мои! Почти полвека
В среде я вашей не бывал
И жизнь мою, как жизнь абрека,
Родному краю посвящал!
<...>
И вот теперь рассадник света,
Науки, жизни, добрых дел
Услышит пусть слова приветов
Того, кто в жизни уцелел!..²

Выйдя в отставку, Явленский жил в Астрахани, где служил столоначальником казенной палаты по соляному отделению; чиновником по особым поручениям астраханского генерал-губернатора; управляющим заведениями «Братья Сапожниковы»; уездным и губернским предводителем дворянства. Дослужился он до надворного советника, был кавалером орденов Анны, Станислава, Владимира³. Этот послужной список сопровождался одним из сильнейших человеческих и литературных переживаний Явленского: в августе-сентябре 1857 г. он провел несколько

¹ РГВИА, ф. 400. оп. 9. д. 10233. л. 7—35; Марков А. С. Неизвестная фотография Ивана Явленского // *Волга*. Общественно-политическая газета Астраханской обл. №172 (26431). 22.11.2013.

² Русская Старина. 1891. LXX, 4. С. 258—259.

³ Николаев К. А. Дворянская летопись, составленная из дел Астрахан-

недель в обществе Тараса Шевченко. Познакомились они в Астрахани, где поэт остановился проездом из ссылки, а сблизило их совместное путешествие по Волге до Нижнего Новгорода на пароходе «Князь Пожарский»⁴. Пароход отплыл из Астрахани в самом конце августа, а 3 сентября в журнале Шевченко появился автограф: «*Не забывайте любящего вас И. Явленского*»⁵. Тарас Григорьевич несколько раз упоминает попутчика в своем дневнике, который он вел по-русски:

«6 сентября. В 10 часов утра „Князь Пожарский“ бросил якорь у набережной Самары. Издали эта первой гильдии отроковица весьма и даже весьма неживописна. Я вышел на берег и пошел взглянуть на эту чопорную юную купчиху. На улице попался мне И. Явленский, и мы сообща пустились созерцать город. Ровный, гладкий, набеленный, нафабранный, до тошноты однообразный город <...> Огромнейшая хлебная пристань на Волге, приволжский Новый Орлеан. И нет порядочного трактира. О, Русь!».

«8 сентября. <...> Я рассчитывал, что казенные сапожные сапоги послужат мне по крайней мере до Москвы, а они и до Симбирска не дотянули, изменили, проклятые, то бишь казенные. Иван Никифорович Явленский заметил этот ущерб в моем весьма нещегольском костюме и предложил мне свои сапоги из чисел запасных, за что я ему сердечно благодарен. Сапоги его пришлось мне по ноге, и я теперь щеголяю почти в новых

ского дворянского депутатского собрания. Астрахань, 1902; Попов В. И., Травушкин И. С. Астрахань – край литературный. Астрахань, 1968; История Астраханского края. Астрахань, 2000.

⁴ Большаков Л. Н. «Все он изведаль...» Тарас Шевченко: поиски и находки. Киев, 1988; Большаков Л. Н. Оренбургская шевченковская энциклопедия. Оренбург, 1997.

⁵ Шевченко Т. Собрание сочинений в 6 т. Киев: АН УССР, 1964. Т. 5. С. 116.

сапогах, вдобавок на высоких каблуках, что мне не совсем нравится, но дареному коню в зубы не смотрят».

«18 сентября. Спасибо Ив. Никиф. Явленскому за то, что он отказался от завтрака и помог мне кончить превосходное прелюдие к превосходнейшему стихотворению, которое я, если Бог поможет, перепишу завтра».

«21 сентября. <...> После обеда проводил моих добрых, милых спутников <...> и простился с ними. Они в почтовых каретах отправились в Москву <...> Просил Комаровского и Явленского целовать в Москве моего старого друга М. С. Щепкина...»¹

Иван Никифорович, по-видимому, хорошо понимал, с кем он повстречался, и его цепкая память спустя десятилетия хранила подробности недолгого знакомства. Много лет спустя астраханский чиновник составил «Заметку о Шевченке Тарасе Григорьевиче», сохранившуюся в архиве «Русской старины» как краткое пояснение к рисункам Шевченко, переданным журналу, но не попавшим в печать².

Страсть к сочинительству побуждала Явленского пробовать свои силы в разных родах и жанрах и придавала ему оптимизм. Здоровое жизнелюбие его строк подтверждает это:

За все, за все судьбе спасибо!
За массу горьких в жизни дней,
За боевую жизнь наiba,
За счастье в обществе друзей!
За все восторги и страданья,
Судьбе я шлю всегда привет
И за любовь, за упованье —

¹ Там же. С. 119–136.

² РО ИРЛИ РАН, ф. 265, оп. 2, д. 3086.

В святой родительский завет!
Ну, словом, нет еще момента,
Когда бы я на жизнь роптал —
И говорю без комплимента,
Судьбу бы я расцеловал!..¹

Но стоило ли вспоминать поэта-дилетанта, если бы он отличился только храбростью офицера или товарищеским отношением к опальному поэту? Возможно, ибо и это немало. Но Явленский страстно желал послужить на ниве литературы, что ему в некотором смысле удалось. Литературное наследие Явленского невелико по объему, но многопланово и разножанрово. Он выпустил две книги, и нелегко назвать жанр, в котором он не попробовал свои силы: путевые очерки, поэма, либретто, бытовая и историческая драма.

В книге очерков «От Астрахани до Астрабада»², изданной в 1871 г. с подзаголовком «путевые впечатления», Явленский описывает путешествие по Каспию от Астрахани через Тарки, Дербент, Апшерон, Баку, Ленкорань и ряд мелких населенных пунктов до северного побережья Персии — Энзели и Астрабада (Горгана). Непосредственные наблюдения, переплетающиеся с историческими, этнографическими, мифологическими, экономическими и политическими отступлениями, составляют основу композиции. Внешнеполитические интересы России во второй половине XIX в. обращаются к южному Прикаспию: этим обстоятельством, вероятно, объясняется актуальность и самого вояжа, и вышедшей затем книги.

В 1882 г. в Москве увидел свет сборник, состоящий из четырех пьес и одной поэмы, с незамысловатым заглавием «Драмы,

¹ РО ИРЛИ РАН, ф. 274. оп. 1. д. 399. л. 162—162 об.

² Явленский И. Н. От Астрахани до Астрабада. Астрахань, 1871; Марков А. С. Редкие астраханские издания // Альманах библиотеки. М., 1989. Вып. 25.

комедия и поэма»¹. В первой пьесе «Кто виноват?», которую можно отнести к школе бытовой драмы, довольно откровенно изложены семейные недоразумения племянницы Явленского Сапожниковой и ее мужа, крупного промышленника. Действие происходит в вымышленном провинциальном городке Турске и в Москве, в семье Тиховых – торговца и его жены, некогда состоятельных, но теперь обедневших. Поправить пошатнувшиеся дела взялся поверенный Хитров, у которого завязывается роман с хозяйкой дома. Злоупотребления поверенного и измена Тиховой открываются, и та кончает с собой, бросившись под поезд².

Историческая драма «Марфа-Посадница» принадлежит почтенной традиции драматургического воплощения образа «великой россиянки», сложившейся к тому моменту в русской литературе³. Общие очертания обрисованных в ней событий привычны, но кое-какие акценты автор расставляет по-своему⁴. Именно благодаря этой драме Явленского мы с Л. Г. Фризманом узнали о забытом астраханском писателе и включили отрывки из его драмы в раздел дополнений к тому «М. П. Погодин. Марфа, Посадница Новгородская»⁵.

Исторический сюжет лежит и в основе оперного либретто «Тамара царица Грузии», однако конфликт в нем вымышленный и решен в ключе «роковой страсти»: жестокая красавица Тамара покорена юношей Ростомом, сыном ее приближенного, князя Мамука. Пока князь отбивает атаки персов, царица предается

¹ Явленский И. Н. Драмы, комедия и поэма. Москва: Тип. Вильде, 1882.

² Явленский И. Н. Драмы, комедия и поэма. С. 1–50.

³ Фризман Л. Г. Марфа-посадница в русской литературе // Известия РАН, Серия литературы и языка. 2014. Т. 73. №2. С. 20–33.

⁴ Явленский И. Н. Драмы, комедия и поэма. С. 51–122.

⁵ Погодин М. П. Марфа, Посадница Новгородская / Изд. подгот. Л. Г. Фризман, К. В. Бондарь. М.: Наука, 2015. 368 с. («Литературные памятники»).

любовным утехам. Узнав же, что у Ростомы есть невеста, она коварно приказывает сбросить его в пропасть. Мамук узнает о случившемся, но Тамару настигает божья кара — ее убивает удар молнии¹.

Пьесе «Типы века» можно отнести к комедии нравов: расчетливая Ольга мечтает выйти замуж за богача Штукина, но влюблена в офицера Радугина, который, в свою очередь, мечтает получить не столько ее, сколько ее деньги. Во время совместной поездки с Ольгой за границу Радугин, потратив значительные средства, кончает самоубийством, а ничуть не изменившая характер Ольга остается со Штукиным².

Единственная поэма в сборнике — «Без заглавия» — состоит из трех глав и относится к «петербургским» текстам; ее сюжет — несчастная любовь Надиной к Приволгину, приводящая героиню к гибели³.

О жизненной драме самого автора в дальнейшем, после выхода в свет его книги, мы знаем мало. Во всяком случае, в одном из пяти альбомов Михаила Семевского, издателя «Русской старины», сохранилась датированная 1891 г. автобиография Явленского, в которой он писал: «...в настоящее время в отставке, живу отставным, читая и вспоминая всю русскую старину...»⁴

¹ Там же. С. 123–166.

² Там же. С. 167–238.

³ Там же. С. 239–285.

⁴ РО ИРЛИ РАН ф. 274. оп. 1. д. 399. л. 161 об.

СЛОВО И МУНДИР. ИВАН ХРУЩОВ

Жизненный путь Ивана Петровича Хрущова (1841–1904) был «обыкновенной историей»: движением от студенческого свободолюбия и даже радикализма к чиновничьему рвению и консервативному охранительству времен Александра III.

Хрущову выпало жить и работать рядом со знаковыми фигурами и стать своеобразным зеркалом эпохи. Годы его юности совпали с началом великих реформ. В конце 1850-х гг. Хрущов, поступив на историко-филологический факультет Московского университета, возглавлявшийся С. М. Соловьевым, увлекся революционными идеями. Вместе с товарищами он участвовал в «леонтьевской» истории, когда студенты выступили против консервативного профессора греческой словесности Леонтьева, и перенес сильное душевное волнение. Самая важная встреча в студенческой жизни Хрущова произошла летом 1860 г.: на каникулах в имении Корсаково он познакомился с Д. И. Писаревым. Знакомство быстро переросло в дружбу; Хрущов часто навещал друга в его имении Грунец, и история их отношений запечатлена в дневнике Ивана Петровича¹. Осенью 1860 г. в Москве, а с зимы 1861 г. в Санкт-Петербурге друзья продолжали тесно общаться и вместе снимали комнату. Хрущов описывал друга как «очень порядочного и талантливого малого, но блаженного в полном смысле этого слова»² и, несмотря на приятельские отношения, свысока оценивал Писарева и его друзей:

¹ РГАЛИ, ф. 530, оп. 1, №1.

² Коротков Ю. Писарев. М., 1976. С. 117.

«...Благосветлов и Попов мне зело не нравятся. Один циник а la Писарев, другой умственная малость, ноль. Писарев все-таки жертва Благосветлова, а я – я художник, художник, художник...»¹

Писарев же, зная о литературных занятиях своего друга – «художника», содействовал публикации его первых сочинений, «рассказов из семейных преданий»: в 1862 г. в журнале «Подснежник» вышел рассказ для детей «Парашин лесок» (вышел отдельным изданием под псевдонимом в том же году и был переиздан несколькими годами позже²), а в «Русском слове» – рассказ «Няня».

Тесные отношения с Писаревым неизбежно втягивали Хрущова в гущу политической жизни, а арест критика затронул и самого Хрущова: летом 1862 г. на квартире матери в Курске, куда он приехал на каникулы, был обыск. Это событие стало моментом перелома: страх заставляет молодого филолога пересмотреть свое отношение к радикальным идеям и вызывает их постепенное отторжение. Свидание с Писаревым в Петропавловской крепости год спустя убедило Хрущова, что былые увлечения и дружба прошли.

Зимой 1862 г., окончив историко-филологический факультет Петербургского университета кандидатом, Иван Петрович добился назначения в провинцию, опасаясь влияния революционной среды в столице. Он поехал учительствовать в Петрозаводск и в 1862–1865 гг. служил учителем русской словесности Олонецкой, а затем Новгородской гимназий. В Петрозаводске Хрущова ожидали новые интересы: занятия этнографией (знакомство с П. Рыбниковым, встречи со сказителями былин) и знакомство с семьей Поленовых. Оно было, что называется, судьбоносным: сын Поленова, Василий, будущий великий русский художник, стал учеником Хрущова, дочь Вера – женой и единомышленником, а сам Дмитрий Васильевич и его жена Мария Алексеевна Воейко-

¹ Там же. С. 139.

² Жучков Илья. Парашин лесок. СПб., 1862; 2-е изд. СПб., 1865.

ва – покровителями и старшими друзьями. После смерти тестя Хрущов отдал ему долг памяти, написав его биографию¹. Старший Поленов оказался в Олонецкой губернии сразу после освобождения крестьян и, как крупный землевладелец, занимался там землеустройством. В прошлом у него была дипломатическая служба в Греции, опыт работы в Синоде, позволившие ему прожить себя государственным деятелем и незаурядным археологом и библиографом. В письмах Поленовы благосклонно отзывались о Хрущове, отмечали его «даровитость» и «образованность». Многого стоят слова уже пожилого художника В. Д. Поленова в письме к старшему другу и наставнику:

«Перебирая в памяти минувшие годы, с каким чувством радости <...> я останавливаюсь на светлых, полных упоительных надежд шестидесятих годах. Твоя горячая, талантливая, глубоко человеческая проповедь <...> была ярким светом, озарившим нашу начинающуюся жизнь <...> Ты широко распахнул нам двери в светлый чертог разума <...> тот свет, что мы там увидели, был свет истинный, и до сих пор он мне светит и указывает путь»².

Здесь же, в Петрозаводске, недавний друг Писарева и участник революционных событий начал сближение с правящим двором: совершая поездку по России, в Олонецкой губернии остановился наследник престола Николай Александрович. Учитель Хрущов нашел повод представиться, устроил ему встречу с «певцом былин» Романовым³, попутно ходатайствуя о переводе в столицу.хлопоты не пропали даром: после недолгой службы в Новгородской гимназии Иван Петрович причисляется к Министерству народного просвещения и коман-

¹ Хрущов И. П. Очерк жизни и деятельности Д. В. Поленова. СПб., 1879.

² Поленов В. Д., Поленова Е. Д. Хроника семьи художников. М., 1964. С. 11.

³ Цесаревич Николай Александрович в Петрозаводске в 1863 г. // Семейные вечера. 1865. 15 мая; Русский архив. 1896. Т. 3.

И. П. Хрущов

дируется на два года за границу для подготовки к профессорскому званию.

В подготовленной за эти годы и защищенной под руководством И. И. Срезневского магистерской диссертации Хрущов заявил о себе как исследователь древнерусской литературы¹. Его работа была одним из первых шагов в изучении раннего иосифлянства: он изучал социальный состав братии Иосифо-Волоколамского монастыря, послания и грамоты Иосифа Волоцкого; продолжил описание монастырской библиотеки. Инте-

рес к славянской медиевистике Хрущов сохранил и в дальнейшем. Особое внимание он уделял «Слову о полку Игореве»: в книге «О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI—XII столетие» писал, что язык «Слова...» не чужд языку литературных памятников, а в рецензии на книгу П. П. Вяземского отмечал заслугу автора, «полновесно доказывающего влияние византийской образованности на поэта, прославившего Игорев поход»². Заслугой Хрущова было не только изучение, но и популяризация памятников древней литературы. Его книга «Беседы о древнерусской литературе»³ адресована широкому кругу читателей. Рецензент В. Я. Брюсов отмечал, что книга «полезная и отвечающая своему назначению», а «язык автора чист», хотя «недостает ему истинной простоты»: «в стремлении к изобразительности автор на каждом шагу решается на олицетворения, делает восклицания <...> чем запутывает чтение»⁴.

После защиты диссертации Хрущов вновь в Европе: он знакомится с учеными-германистами, изучает методику преподавания литературы в Германии, читает в Штутгарте курс русской словесности вюртембергской королеве Ольге Николаевне, великой княжне Вере Константиновне и герцогу Лейхтенбергскому⁵.

Получив место доцента кафедры русской словесности, 1870-е годы филолог провел в Киеве. Здесь он состоял секретарем общества Нестора Летописца и инспектором классов института благородных девиц. В киевский период Хрущов много пишет,

¹ Хрущов И. П. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого. СПб., 1868.

² Хрущов И. П. Замечания на «Слово о полку Игореве» кн. П. П. Вяземского. СПб., 1875 // Унив. изв. Киевск. ун-та. 1875. №10. С. 2.

³ Хрущов И. П. Беседы о древнерусской литературе. СПб., 1900.

⁴ В. Я. <В. Я. Брюсов>. Хрущов И. П. Беседы о древнерусской литературе. СПб., 1900 // Русский Архив. 1900. Т. 3.

⁵ Хрущов И. П. Королева Вюртембергская Ольга Николаевна // Русский Вестник. 1893. №1—2; отд. изд.: СПб., 1893.

а его карьера продвигается: в 1875 г. он произведен в камер-юнкеры. В конце этого десятилетия карьерный рост приводит его в Санкт-Петербург, в Ведомство учреждений императрицы Марии. Тогда же начинает он служить в Министерстве народного просвещения, в его ученом комитете и издательском обществе при постоянной комиссии народных чтений. На этом поприще Хрущов проявил себя как автор¹ и редактор² народных изданий и создатель народных библиотек.

Тем временем начиналась другая эпоха: портфель министра перешел от Д. А. Толстого (по словам С. Ю. Витте, «крупной личности»), пятнадцать лет управлявшего Министерством и обеспечившего подъем университетского образования, к И. Д. Делянову, который оставался в должности до 1897 г. и символизировал «охранительные» тенденции. Каденция Делянова была пиком карьеры Хрущова: с 1882 г. он состоял чиновником особых поручений при министре. Красноречивые совпадения отмечаются в отзывах современников.

«Делянов был очень милый, добрый человек, и вопросы Министерства народного просвещения вообще были ему не чужды. Он был человек культурный, образованный <...> Он никогда никаких резких вещей не делал, всегда лавировал, держась того направления, которое в то время было преобладающим <...> Вообще он лавировал на все стороны»³.

Журналист Феоктистов выразился еще определеннее: «Делянов представлял собой идеальный пример того, как можно

¹ Хрущов И. П. Владимир Мономах, великий князь киевский, правнук Владимира Святого, и его завещание. СПб., 1883; 5-е изд., 1916; Нашествие татар и князь Михаил Тверской. СПб., 1884; 6-е изд., 1904; Минин и князь Пожарский. СПб., 1884; Богомольцы у святынь Киева. Лавра. Ч. 1. СПб., 1884; 7-е изд., 1915; Богомольцы у святынь Киева. Старый Киев. Ч. 2. СПб., 1890; 4-е изд., 1898.

² Настольная книга для народа. СПб., 1891.

³ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 311.

у нас достигнуть весьма высокого положения без сколько-нибудь выдающихся заслуг», а директор императорских театров, мемуарист С. Волконский вспоминал: «аппарат, созданный при Александре II железною рукой графа Толстого, никого не удовлетворивший, всех озлобивший, при Александре III перешел в мягкие руки Делянова. Иван Давыдович Делянов был удивительное явление в русской чиновной летописи <...> Его мягкость, слабость, безволие — уж не знаю, как назвать — нельзя даже описать»¹.

Но установившиеся порядки оказались близки Хрущову. Так, на заседании особого комитета Министерства, положительно оценив рассказы Достоевского «Мужик Марей» и «Столетняя», он выступил против включения рассказа «Мальчик у Христа на елке» в библиотеки средних учебных заведений и программы народных училищ: «Достоевский мог любить детей, но менее подходящего к детскому возрасту писателя не существует»; «нужно ли это сопоставление богатства и неприкрытой бедности?»² В ином случае, выступив со статьей «Что наши дети читают?»³, он раскритиковал сборник «Русским детям. Из сочинений Ф. М. Достоевского» за включение отрывков из «Бедных людей», «Неточки Незвановой», «Братьев Карамазовых», которые могут «воспитать озлобленное чувство и никак уже не будут способствовать развитию нравственной силы». Преданная служба не осталась незамеченной: в 1885 г. Хрущов пожалован в камергеры, в 1888 г. назначен членом основного отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения, с 1890 г. он был членом министерского совета, а с 1894 г. — тайным совет-

¹ Волконский С. М. Мои воспоминания: В 2 т. М.: Искусство, 1992. Т. 2. Родина. С. 54.

² Волгин И. Л. Достоевский и правительственная политика в области просвещения (1881–1917) // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 4. М., 1980. С. 195.

³ Санкт-Петербургские Ведомости. 1883. 13 дек.

ником. Е. Опочинин в своих воспоминаниях о Вяземском так описывал позднего Хрущова:

«Хрущов являл собою яркий тип карьериста-бюрократа. Он кое-как добрался до генеральского чина, был этим страшно горд, но на этом и кончилась его удача <...> С виду это был человек среднего роста, пожалуй, немного полный, с пухлыми щеками, обрамленными густыми темными баками, среди которых выделялся пробритый подбородок. Лысеющая голова, игривые и хитрые глазки на пошлом лице дополняли наружность этого экс-профессора. Ходил он плавно, важной генеральской поступью, говорил медленно и тягуче-слащавым голосом, манерничая и играя словами»¹.

И, будто вторя этому портрету, уже цитировавшийся Волконский приводит такой анекдот:

«на каком-то концерте или общественном балу в Харькове (*речь идет о годах попечительства Хрущова в Харьковском учебном округе в 1896–1899 гг. — К.Б.*) Хрущов замечает студента, который, в то время как все прочие отвешивают ему поклоны, стоит, невозмутимо озирая и толпу, и его. Несколько раз он проходил мимо непочтительного юноши и наконец не выдержал; подходит и самым язвительным тоном, на какой только способна его мелкая природа: „Позвольте, молодой человек, представиться: попечитель здешнего учебного округа“. — „Очень приятно. Такой-то, студент Московского университета“»².

В конце жизни Хрущов выпустил «Сборник литературных, исторических и этнографических статей»³, составленный из опубликованных сочинений. Критически отозвавшись о составе книги, в которой были некоторые работы с устаревшими сведениями, Брюсов все же высоко оценил воспоминания о цесаревиче Николае Александровиче и вюртембергской королеве, отметил несколько заслуживающих внимания материалов: «Впе-

¹ Опочинин Е. Н. Кн. П. П. Вяземский. 1928. РГАЛИ, ф. 361, оп. 1, ед. хр. 10.

² Волконский С. М. Мои воспоминания... Т. 2. С. 59–60.

³ Хрущов И. П. Сборник литературных, исторических и этнографических статей. СПб., 1901.

чтения одного из депутатов на открытии памятника Пушкину», «Заметки о русских жителях берегов реки Ояти», «Современные дешевые издания для народного чтения»¹.

По-видимому, исток двойственности самоощущения и поведения был заложен в самой натуре Хрущова: пытаюсь в выгодном свете мотивировать свою непоследовательность, он еще в молодые годы отмечал:

«Отчего я хватаюсь за то, что мне нравится, сперва сгоряча вижу в этом правду, потом несколько остываю и, наконец, перехожу к противоположному мнению? Оттого ли, что я поэт?»²

Но в печати Хрущов выступил как поэт лишь раз, опубликовав цикл патриотических стихов, прочитанных на заседании Славянского благотворительного общества:

Древний плен свой забывая,
Светит ныне Русь святая
Степи, прежде роковой,
Путеводною звездой³.

В конце концов, спор «слова» и «мундира» разрешился в пользу последнего.

¹ Русский архив. 1901. Т. 3.

² Коротков Ю. Писарев... С. 98.

³ Хрущов И. П. Песня о стародавней поре. СПб., 1891. С. 16.

«ЛАВР» И ДРУГИЕ. ЕВГЕНИЙ ВОДОЛАЗКИН

Е. Г. Водолазкин

Придя в литературу из «ученого» цеха, Евгений Водолазкин, с одной стороны, продолжает активно работать в науке, с другой – находит в разнообразных формах научной деятельности и типажах из научного сообщества художественный материал. Это нетривиальный случай: если физики, инженеры, врачи становились героями литературных произведений довольно часто, то историков или филологов русская литература не баловала своим вниманием. Добавим, что об ученых, как правило, писали те, кто наблюдал их только со стороны, а здесь мы имеем дело со взглядом «изнутри». Так что вполне понятно, что Водолазкин любит гуманитариев и охотно изображает их – и в романах, и в эссе.

Можно сказать, что почти в каждом произведении писателя появляется в том или ином виде персонаж, причастный гуманитарному знанию, и часто это ученый по роду занятий. Граница

между художественными и мемуарно-публицистическими образами не является непроницаемой, и зачастую одни являются предшественниками других и наоборот. В массиве текстов автора эти образы выстраиваются в некоторой сюжетно-композиционной и жанрово-стилистической иерархии, которая и является предметом внимания в настоящем очерке.

Он написан на основе доклада, подготовленного на конференцию по творчеству Водолазкина в Ягеллонском университете в мае 2018 г. Международный форум, названный «Знаковые имена современной русской литературы», собрал в Кракове около ста исследователей, и сам писатель был его почетным гостем. Так наше знакомство, начавшееся в 2008 г. на конференции молодых ученых в Пушкинском Доме, продолжилось десять лет спустя.

В своих интервью Е. Водолазкин не раз отмечал, что образы в его романах не автобиографичны, например: «в романе [*Лавр* — К. Б.] мелькает молодой историк, человек нерешительный, с его несбывшейся любовью к русской немке — так вот, это не я. Моя жена, по совпадению, тоже — русская немка, но я, в отличие от героя, в свое время проявил настойчивость»¹. Отметим попутно, что писатель неоднократно подчеркивал и неавтобиографичность Соловьева из романа *Соловьев и Ларионов*. В самом деле, многое в историке Строеве отдаляет его от создателя: другое поколение, иная, хотя и близкая, специальность и упомянутая выше нерешительность. Но вот что интересно: Строев живет и работает в Петербурге (во время описываемых событий — Ленинграде), занимается Древней Русью, а главное для него в той эпохе заключается в том, что «средневековые историки не были похожи на нынешних. Для объяснения исторических событий они всегда искали нравственные причины. А непосредственной связи между событиями как бы не замеча-

¹ Е. Водолазкин. О «Лавре» // Дом и остров, или Инструмент языка, Москва, 2017. С. 344.

ли. Или не придавали ей большого значения»¹. Иными словами, автор дарит герою некоторые свои любимые мысли. Мы увидим это в дальнейшем и на примере Соловьева. Более того, ряд признаков сближает Строева и Арсения: действие вставной новеллы о нем разворачивается во Пскове – городе, ставшем для Арсения местом подвижнического пути. Но Строев и Арсений связываются не напрямую, а опосредованно, через Александру Мюллер, которая читала о средневековом юродивом и думала о нем («Она представляла у этих камней древнего юродивого и не могла себе ответить, действительно ли верит тому, что о нем читала. А был ли, вообще говоря, юродивый? А была ли, спрашивается, его любовь? И если была, то во что же она превратилась за сотни ушедших лет?» [с. 236]). Строев при этом ничего об Арсени не знает и интереса к нему не выказывает. Как и у Арсения, встреча Строева с молодой женщиной, с которой он мог бы обрести счастье, ничем не заканчивается. Причины отказа у Строева и Арсения разные: в одном случае это настоящая любовь, которая «может ждать хоть целую жизнь» [с. 241] (как говорит во внутреннем монологе Строева сосед-скрипач Пархоменко), а в другом – «отсутствие внутреннего огня» [с. 241].

Строев – фигура сложная, и, на наш взгляд, она является одной из ключевых в романе, несмотря на отстраненность от основной линии повествования. Одна из функций этого образа – предостережение от грозящей человеку (в частном случае – гуманитария, предпочитающему воображение действию) опасности не осуществиться, боязни принятия решений, которые могут лишить человека дальнейшего выбора. Признание его поездки пустой тратой времени звучит не только в суровом выводе соседа-скрипача, но и еще дважды повторяется в тексте: имевшим видение о Строеве Амброджо Флеккиа и прослушавшим рассказ итальянца купцом Ферапонтом.

¹ Е. Водолазкин. Лавр. Москва, 2014. С. 237. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страницы в скобках.

Строев – это образ-контраст, образ-антипод главного героя романа, и в то же время самого автора, в своей равноудаленности от них. Это фигура возвышенная, что проявляется и в его речевой характеристике («мне хорошо с ними обоими, **сказал** Строев **в сердце своем**, потому что в них обоих я чувствую нечто родственное» [с. 236]). Вложенная автором в мысли героя фраза «сказал в сердце своем» – не что иное, как древнерусский библеизм, калька с древнееврейского, верный признак высокого стиля. В то же время этот образ не лишен трагизма («почему я (думал Строев) тоскую заранее, предопределяя события и обгоняя время? И как это я всегда знаю наперед, что буду тосковать? Что же рождает во мне это щемящее чувство?» [с. 237]).

Есть в романе и alter ego писателя – повествователь, наделенный свойствами историка-медиевиста («повествователь имеет два лица – подсказывает Водолазкин, – средневековое и современное»¹), а именно: пристрастием к точным датировкам: «это произошло 8 мая 6948 года от Сотворения мира, 1440-го от Рождества [...] Иисуса Христа, в день памяти Арсения Великого»²; умением характеризовать ушедшую эпоху как бы с высоты птичьего полета: «предполагают, что слово врач происходит от слова „врати“ – заговаривать [...] Ввиду ограниченного набора медикаментов роль слова в Средневековье была значительнее, чем сейчас» [с. 7–8]; склонностью к биографизму: «особенность человека, о котором идет речь, состояла в том, что он говорил очень мало [...] Судя по его немногочисленным высказываниям, он не собирался пребывать в теле вечно [...] Подобного рода вещи как-то не соответствуют тому, что мы о нем знаем» [с. 8–10]; навыками источникововеда: «говорили, что он обладал эликсиром бессмертия. Время от времени высказывается даже мысль, что даровавший исце-

¹ Е. Водолазкин. О «Лавре» ... С. 339.

² Е. Водолазкин. Лавр... С. 13. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страницы в скобках.

ления не мог умереть, как все прочие. Такое мнение основано на том, что тело его после смерти не имело следов тления» [с. 9].

Анализируя другие приемы автора, отметим, что пристальное внимание, которое и ученый, и писатель Водолазкин проявляет к древнерусским юродивым, не обходится без образа ученого-юродивого – академика Темрюковича из *Соловьева и Ларионова*. От взгляда писателя не ускользают странные, нелепые, а порой отталкивающие стороны научного сообщества, и такая фигура высвечивает их более ярко. В генезисе образа Темрюковича слились по крайней мере три источника: филолог-академик Ф. (эссе *Мало приятного*), «пушкинодомец» Л. – любитель кино (эссе *Omnia mea mecum porto*) и сам корифей литературной науки Борис Эйхенбаум (эссе *Легкое дыхание*). Темрюкович, однако, их суммой не является и ни к одному из них не сводится. Чудаковатый мизантроп Ф. дает Темрюковичу привычку разговаривать с самим собой и две яркие реплики. Но, используя их как строительный материал, писатель расширяет повествование, добавляет красок, усиливает драматургичность. Сравним два отрывка:

Академик Ф. («Мало приятного»): *Стоя рядом с ним в библиотеке, можно было услышать: – Посмотрю-ка эту книгу. Новая... Чушь, наверное. – Шуршание пролистываемых страниц. – И ведь точно – чушь. Следует заметить, что, обладая хорошим вкусом, в своих оценках Ф. обычно не ошибался.*

Темрюкович («Соловьев и Ларионов»): *– Посмотрю, что за книга, – сказал однажды Темрюкович, подойдя к книжному шкафу. – Дрянь, наверное. Заинтересовавшим академика изданием была книга И. И. Мурата. По ту сторону шкафа, невидимый для Темрюковича, стоял автор [...] – Говно, – Темрюкович со вздохом поставил книгу обратно. – Говно высшей категории [...] – Я слышал, что вы сказали о моей книге, – прошептал Му-*

рат. – Ничего я не говорил, – невозмутимо ответил Темрюкович. – Разве что подумал.

Во втором «неотмирность» Темрюковича подана развернуто: динамикой персонажа («подойдя к книжному шкафу»), присутствием второго участника речевой ситуации – Мурата, использованием стилистически маркированной лексики и, наконец, завершающей репликой-парадоксом.

Раз уж Темрюкович ведет себя странно, выказывая в своем поведении некоторые черты юродства, он закономерно попадает в ситуацию, произошедшую в свое время с «пушкинодомцем» Л.:

Omnia mea mecum porto: *Стоя в очереди у входа, он невозмутимо наблюдал, как пришедшие на премьеру предъявляли на контроле свои членские билеты. Он был единственным, кому предъявить было нечего. И он ничего не предъявил. Он прошел мимо контроля, вежливо поздоровавшись. – Член Дома? – спросили его вдогонку. – Нет, с собой, – ответил Л. и прошел в зал. Возвращать его не стали. Вероятно, в Доме кино в таких случаях верят на слово.*

Соловьев и Ларионов: *– Мне рассказали про него хорошую историю, – Мурат достал из кармана коробку мятных леденцов. – Хотите? [...] – Ну, вот: премьеры в Доме кино. Легкая давка у входа. Все показывают членские билеты и приглашительные [...] – Вдруг из маминой из спальни... Короче говоря, появляется Темрюкович. Без всяких там объяснений проходит контроль. Ему вдогонку: «Член Дома?» Он: «Нет, с собой».*

Романная поэтика в данном случае проявляет себя тем, что и история в Доме кино, и реплика Темрюковича даны в косвенной речи – словами Мурата, который, в числе первых, имел причины недолюбливать академика.

В парадоксальном замечании, брошенном в туалете («Единственное место в институте, где дышится легко»¹), Темрюкович

почти буквально следует за своим великим предшественником. Как известно, Борис Михайлович Эйхенбаум обронил эту фразу в самый разгар кампании по борьбе с космополитизмом в Пушкинском Доме, а Темрюкович раздражается ею после разговора с ученым секретарем. До этого, как мы узнаем, у него был конфликт с завхозом, которого академик публично и не без оснований обвинял в мошенничестве. Объемность образа Темрюковича (кстати, имеющего имя-отчество — «Михаил Сергеевич», в отличие от скрывшихся за инициалами прототипов) складывается из его предшествующего научного опыта («усилиями Темрюковича в советское время вышло полное собрание сочинений С. М. Соловьева»²) и проявляется в коротком разговоре с Соловьевым, в котором старый ученый бескорыстно помогает молодому историку и приводит по памяти точную ссылку на когда-то виденный им текст, оказывающийся важным в разысканиях Соловьева. В свете этого эпизода и предыдущие странности Темрюковича выглядят иначе, и сама его экстравагантность начинает казаться чем-то сродни поведению «великих стариков», например, академика-египтолога В. В. Струве, звонившего домой и приглашавшего к телефону самого себя, когда он забывал, куда и зачем пошел³.

Симпатизируя Соловьеву, писатель дарит и ему фрагменты своего жизненного опыта. **«Письма Достоевского из Германии шли сюда всего четыре-пять дней, — не унимался я. — Почему? — Потому что Достоевский был гений, — сказал кто-то из очереди»**⁴.

«Сравним: «Месяц»», — сказал заведующий. — Бывает и дольше. Бывает, вообще не доходит. Соловьев смотрел по-

¹ Е. Водолазкин. Соловьев и Ларионов... С. 345.

² Там же. С. 290.

³ Е. Водолазкин. О марксизме в египтологии // Дом и остров... С. 36.

⁴ Е. Водолазкин. Люди на своем месте // Дом и остров... С. 240.

верх заведующего и чувствовал кипение своей ненависти. Ненависти и отчаяния. Стрелка настенных часов водила их по кругу. — **Письма Достоевского из Германии шли пять дней**, — проинформировал собеседника Соловьев. — **Достоевский был гений, — возразил заведующий**¹. Добавим, что молодой историк наделен симпатией к котам, в которой не раз признавался сам писатель и которая служит у него чем-то вроде индикатора человеческой зрелости и чуткости (вспомним героев *Хорошего отношения к котам* профессоров Дружинина, Чечулина и Веселовского² или *Кунсткамеры в лицах* Юрия Кнорозова и Лидию Нечаеву³).

Продолжая обзор литературных средств, укажем на образы, в которых можно обнаружить юмористическое начало и приемы клоунады, а сами сцены с их участием напоминают скетч. Таковы Грунский и Байкалова — ведущие керченской конференции «Генерал Ларионов как текст». В основе эпизода с ними — возможно, студенческое воспоминание о встрече в аудитории двух преподавателей, отразившееся в эссе:

Аза Феодосьевна Папина преподавала историческую грамматику, а Константин Гаврилович Деликатный (естественно) педагогику. Это были опытные и уже немолодые преподаватели, пользовавшиеся уважением коллег и студентов.

Однажды в аудиторию вошел Константин Гаврилович и объявил, что будет заменять Азу Феодосьевну. Это никого не удивило, ведь для исторической грамматики педагогика — вовсе не худшая замена. И повышение педагогического уровня будущих языковедов могло бы, в сущности, только приветствоваться. Но с первой же фразой преподавателя педагогики в аудиторию вошла Аза Феодосьевна. В ее глазах читалась готовность рассказывать об исторической грамматике.

¹ Е. Водолазкин. Соловьев и Ларионов... С. 327.

² Е. Водолазкин. Хорошее отношение к котам // Дом и остров... С. 37.

³ Е. Водолазкин. Кунсткамера в лицах // Дом и остров... С. 171–182.

— А я здесь... вас заменяю, — улыбнулся Константин Гаврилович из-за кафедры.

— Вот как? И почему же? — спросила Аза Феодосьевна.

Она не улыбалась.

— Потому что вы больны, — ответил Деликатный.

— Как видите, я здорова.

Пожав плечами, Константин Гаврилович издал звук сомнения.

— Я думаю, **кто-то из нас должен оказаться рыцарем**, — предположила Папина.

Ее взгляд сосредоточился на чем-то за окном.

— Но ведь были и женщины-рыцари. — Деликатный сдул с кафедры что-то невидимое. — Например, Жанна д'Арк.

Аза Феодосьевна смотрела на Константина Гавриловича в упор.

— **Вот тебе, бабушка, и Юрьев день**, — растерянно сказал Деликатный.

Выходя из аудитории, Папина не проронила ни слова¹.

И хотя житейский (и, соответственно, мемуарный) эпизод не лишен внутреннего драматизма, романная зарисовка представляет собой маленький шедевр, созданный по вполне театральным законам. Здесь и предваряющее мизансцену описание («на сцену стала подниматься грузная женщина с уложенными на голове косами. Поднималась она медленно, тяжело ставя ноги на ступеньки и напоминая Соловьеву его школьную директрису по прозвищу Вий»²), и прием ретардации («— Кто — сопредседатель? — переспросил в микрофон Грунский. — Вы — сопредседатель? А где вы были раньше? [...] — Мне никто не говорил о сопредседателе» [с. 214]), и реплика со стороны («— Член-корреспондент Байкалова, — Дунино лицо выражало наслаждение. — Фиеста с боем быков» [с. 214]), и кульминация («— **Кто-то из нас должен оказаться рыцарем**, Петр Петрович», — сказала Байкалова... Грунский развел руками: **Вот тебе, бабушка,**

¹ Е. Водолазкин. Искусство и действительность // Дом и остров... С. 58 — 59.

² Е. Водолазкин. Соловьев и Ларионов... С. 214. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страницы в скобках.

и **Юрьев день...**» [с. 215]). Заканчивается сценка почти что клоунской пантомимой: «Ноги Байкаловой до пола не доставали. Под тонкой крышкой стола они покачивались бесформенными колбасными изделиями. Ниже под крышкой – и это было также видно из зала – быстро-быстро, словно на финишной прямой, двигались ноги академика. В этом маленьком соревновании он, безусловно, пришел первым» [с. 216].

Реплики героев эссе без изменений встроены в романную мизансцену и играют роль строительного материала наряду с другими средствами. Интересно, что сам писатель приоткрывает дверь в свою лабораторию, предполагая, что читатель заметит сходство произведений разных жанров.

«Лица, которые так естественно смотрятся в жизни, становясь персонажами романа, начинают робеть. Порой их просто невозможно ввести в повествовательную ткань. И даже будучи в эту ткань введенными, они путаются в ее складках, словно стесняясь своей недоуверности и как бы избыточности. Иногда меняют имена, потому что автору кажется, что преподаватель, допустим, педагогики, не может в литературном произведении носить фамилию Деликатный»¹.

На стыке комических и сатирических приемов находятся эпизодические образы из *Соловьева и Ларионова* – аспирант Калужный («симпатичный малый, лишенный, правда, всякой исследовательской энергии, да, пожалуй, и энергии вообще»²) и аспирантка Темрюковича Тина Жук, которую «никто не любил». К шаржу, в общем, можно отнести приемы изображения французской исследовательницы жизни генерала Ларионова Амели Дюпон³.

Внизу этой пирамиды литературных средств естественным образом оказываются анекдот и образы материально-телесного

¹ Е. Водолазкин. Искусство и действительность // Дом и остров... С. 59 – 60.

² Е. Водолазкин. Соловьев и Ларионов... С. 22.

³ Там же. С. 12 и след.

низа. Преподаватель истории КПСС Геннадий Иванович И., был, конечно, гуманитарием и «как бы олицетворял собой всю партию»¹. «Случай из истории КПСС» произошел с ним в институтском туалете во время перекура, среди коллег и студентов, и дал писателю основу для эссе *Газовый вопрос*. Жизнеутверждающее «Перезимуем!» историка используется в дальнейшем в речевой характеристике эпизодического действующего лица в *Соловьёве и Ларионове* – популярного телеведущего Махалова.

Итак, читая Водолазкина, мы убеждаемся, что «жизнь ученого полна опасностей и тревог, в ней есть свои землетрясения и цунами»². Она также может послужить материалом для художественного воплощения в прозе и эссеистике, от почти трагической поэтики до сатиры и анекдота, в широком диапазоне от высокого стиля к низкому. Определяющей чертой Водолазкина-писателя в изображении коллег по цеху и ученых других специальностей можно назвать заинтересованную наблюдательность: писателем движет любовь и сочувствие к людям, понимание их слабостей и нежелание обличать недостатки. Среди его героев есть неудачники и эксцентрики, но нет злодеев.

¹ Е. Водолазкин. Газовый вопрос // Дом и остров... С. 53–54.

² Е. Водолазкин. От автора // Дом и остров... С. 10.

Библиографическая справка

Все ранее опубликованные статьи печатаются в книге с изменениями, сокращениями и дополнениями. В справке указаны выходные данные предыдущих публикаций.

СМЕХ И «ГЛУМЫ» КНИГОПИСЦА ЕФРОСИНА

Сатирические приемы русских книжников (по материалам сборников Ефросина) // История литературы. Критика. Драматургия. Театр. Из докладов на Международных Чтениях памяти Л. Я. Лившица (2005–2012 гг.) Киев: Изд. дом Дмитрия Бурого, 2013. С. 24–27.

«ПОВЕСТЬ О ДРАКУЛЕ» КАК ПОЛЕМИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

К вопросу о литературных предшественниках русского вольнодумства // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. Серія літературознавство. Вип. 3 (75). Ч. 1. Харків, 2013. С. 24–28.

Сатира как средство полемики в «Повести о Дракуле» // 18 Междунар. Чтения молодых ученых памяти Л. Я. Лившица. Харьков, 2013. С. 24–27.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ГЕБРАИЗМЫ В ДРЕВНЕ-РУССКИХ ПАМЯТНИКАХ

К вопросу о древнерусской экзотической лексике (гебраизмы) // Вестник Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. Серия филология. №1014. Вып. 65. 2012. С. 22–25 (памяти Е. Ф. Широкоград).

АРСЕНИЙ КАДЛУБОВСКИЙ, ПОДВИЖНИК АГИОГРАФИИ

А. П. Кадлубовський – український і російський філолог, співробітник харківської громадської бібліотеки // Харківська державна наукова бібліотека ім. В. Г. Короленка. Зб. наук. праць. Вип. 8. Харків, 2016. С. 74–79.

ХРАНИТЕЛЬ. ВСЕВОЛОД СРЕЗНЕВСКИЙ

Русский язык, литература и культура в школе и вузе. Киев,

2014. №4 (58). С. 19–21.

ИСКУССТВО БЫТЬ ГУДЗИЕМ

Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету ім. Івана Огієнка: Філологічні науки. Вип. №44. Кам'янець-Подільський, 2017. С. 360–362.

ЖУРНАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ «ПАТРИКЕЯ ПРАВДОМЫСЛОВА»

«Всякая Всячина» и ее литературно-художественные предпочтения // 17 Междунар. Чтения молодых ученых памяти Л. Я. Лившица. Харьков, 2012. С. 23–25.

Литературно-журнальний 1769 год и русская литература // Наукові записки ХНПУ ім. Г. С. Сковороди. Серія літературознавство. Вип. 3 (75). Ч. 2. Харків, 2013. С. 37–42.

«КТО ЗНАЕТ ДЯДЮ ИРИНЕЯ?» ВЛАДИМИР ОДОЕВСКИЙ

Дядя Ириней // Русский язык, литература и культура в школе и вузе. Киев, 2014. №5 (59). С. 14–15.

«Кто знает дядю Ириней?..» (к изучению творческого наследия В. Ф. Одоевского) // *Homo Liber*: сборник памяти Л. Г. Фризмана. Киев: Изд. дом Дмитрия Бурого, 2020. С. 141–145.

СОБЕСЕДНИК ШЕКСПИРА ВАСИЛИЙ ЯКИМОВ (отд. редакция словарной статьи: «Русские писатели. 1800–1917». Т. 7, в печати).

ИВАН ЯВЛЕНСКИЙ, ЛИТЕРАТОР ИЗ АСТРАХАНИ (отд. редакция словарной статьи: «Русские писатели. 1800–1917». Т. 7, в печати).

И. Н. Явленский – поэт и драматург // 19 Междунар. Чтения молодых ученых памяти Л. Я. Лившица. Харьков, 2014. С. 21–23.

Слово о забытом писателе (штрихи к портрету И. Н. Явленского). Киев. COLLEGIUM. 2018. №29–30.

СЛОВО И МУНДИР. ИВАН ХРУЦОВ (отд. редакция словарной статьи: «Русские писатели. 1800–1917». Т. 6. СПб.: Нестор-история, 2019).

На службе слову и мундиру (забытые имена в истории литературы) // Наукові записки ХНПУ ім. Г. С. Сковороди. Серія літературознавство. Вип. 4 (76). Ч. 1. Харків, 2013. С. 14–19.

Хруцов и другие // Сквозь литературу: сб. статей к 80-летию Л. Г. Фризмана. Киев: Изд. дом Дмитрия Бурого, 2015. С. 219–229.

«ЛАВР» И ДРУГИЕ. ЕВГЕНИЙ ВОДОЛАЗКИН

О некоторых приемах изображения гуманитариев у Е. Г. Водолазкина // Знаковые имена современной русской литературы. Краков, Ягеллонский ун-т. Материалы конференции. 2019. С. 135–143.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	4
Древнерусская книжность	7
Смех и «глумы» книгописца Ефросина	9
«Повесть о Дракуле» как полемический текст	13
Лексические и грамматические гебраизмы в древнерусских памятниках	22
Арсений Кадлубовский, подвижник агиографии	29
Хранитель. Всеволод Срезневский	39
Искусство быть Гудзием	46
Русская литература XVIII – XXI вв.	53
Журнальный эксперимент «Патрикея Правдомыслова»	55
«Кто знает дядю Ириней?» Владимир Одоевский	62
Собеседник Шекспира Василий Якимов	67
Иван Явленский, литератор из Астрахани	71
Слово и мундир. Иван Хрущов	78
«Лавр» и другие. Евгений Водолазкин	87
Библиографическая справка	99

Константин Бондарь

От Ефросина к «Лавру»
Очерки по древней и новой словесности

Константин Бондарь (1972) — филолог, историк литературы, мемуарист, редактор, архивист, экскурсовод.
Окончил Харьковский государственный университет, Институт стран Азии и Африки при МГУ. Кандидат филологических наук.
Работал преподавателем, научным сотрудником библиотеки.
С 2015 живет в Израиле. В настоящее время — сотрудник АНУ, музея еврейского народа в Тель-Авиве.

«От Ефросина к „Лавру“» — сборник очерков о памятниках древнерусской книжности, периодике, беллетристике XVIII–XXI вв., писателях и филологах. Портреты литераторов и ученых и наблюдения над средневековыми и современными текстами составляют предмет книги.

Rideró

Rideró.ru — издай
книгу бесплатно!